

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

**ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ДВОРЯНСТВА В ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Монография

Тамбов
2023

УДК 027.1+94(470.326)
ББК 78.33(2Рос-4Там)+63.3(2Рос-4Там)5
Л66

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
(Проект № 22-28-01964).

Авторский коллектив:

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории социальной истории ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»;

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Рецензент

Мизис Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Л66 Личные библиотеки дворянства в истории книжной культуры дореволюционной России (XVIII – начало XX века) / Р. М. Житин, А. Г. Топильский ; ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина». – Тамбов : Студии печати Галины Золотовой, 2023. – 82 с.

В монографии дается характеристика усадебных библиотек российского дворянства в XVIII – начале XX века, раскрыты источники комплектования и жанровое своеобразие личных коллекций, показана роль книжных собраний в истории информационной культуры российской провинции.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ПОМЕЩИЧЬИ БИБЛИОТЕКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ	6
Историографические оценки роли и значения личных библиотек дореволюционной России	6
Личная библиотека как исторический источник. К проблеме изучения, анализа, культурной ценности дореволюционных книжных собраний	14
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ XVIII ВЕКА	25
Издания на иностранном языке на книжном рынке России в первой половине XVIII века	25
Французская книга и развитие книжной культуры России второй половине XVIII века	31
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ДВОРЯНСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	41
Личные библиотеки дворянства в первой половине XIX века	41
Круг чтения дворянства во второй половине XIX – начале XX века	51
КУЛЬТУРНЫЕ ЭФФЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДВОРЯНСКИХ БИБЛИОТЕК РОССИИ	62
Семейное чтение дворян в информационной культуре российской провинции второй половины XIX – начала XX века	62
Книжная культура и особенности трансферта европейских идей на русскою «почву» (на материалах садоводческих практик А. Т. Болотова)	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время верификация провинциальной дворянской культуры шла через изучение домашнего воспитания высшего сословия, усадебного быта и повседневности. Это сверхважная, совершенно необходимая, но не единственная линия исследования культуры помещиков. Для успешной верификации динамики отдельных групп населения надо учитывать факторы, которые носили скрытый, глубинный характер. К важнейшим из них можно отнести практики сохранения и воспроизводства читательских традиций, обеспечивающих формирование определенной культурной среды. Как известно, широкое распространение в России модернизационных идей во многом обусловлено проникновением в страну новых практик из Западной Европы. Иностранная литература играла важную роль в проводимой модернизации, оказывалась своего рода источником социальных и культурных трансформаций. Одновременно книжная грамотность выступала катализатором замыслов западноевропейских просветителей. Локальные данные об этих процессах весьма ограничены, однако их изучение важно для осмысления «идейного наполнения» русской действительности эпохи реформ и модернизаций, роли Запада в этом процессе.

Данное исследование опирается на значительный объем исторических источников, впервые вводимых в научный оборот. Важным сведения о трансферте книжной продукции в Россию содержат материалы российских книготорговых лавок, отвечавших за распространение зарубежной литературы в стране. Речь идет о «Реестрах иностранных книг, которые по нижеписанным ценам в Московской книжной палате продавать» и «Щетные выписки учиненные из приходной и расходной книг о продаже в Москве в академической книжной лавке иностранных книг». Перечисленные издания содержатся богатые сведения о жанровой, тематической, языковой принадлежности поступаемых в страну произведений, особенности их реализации на региональных рынках. Содержательные возможности выписок и реестров дополняют каталоги изданий, выявленные в Библиотеке Академии наук в середине XIX в. Их подробно описание представил Г. Геннади в труде «Литература русской библиографии» (Геннади, 1858: 33). Для изучения характера распространения книжной продукции в дореволюционной России

использовались материалы из фондов РГАДА, показывающие состав французских изданий в личных библиотеках Меншиковых (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 56), Голицыных (РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 35) и других букинистов. Анализ данных источников позволяет оценить специфику усвоения книжных знаний в среде дворянства, определить роль книги в формировании повседневности частных имений.

ПОМЕЩИЧЬИ БИБЛИОТЕКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Историографические оценки роли и значения личных библиотек дореволюционной России

Вопросы организации усадебных библиотек дореволюционной России – один из наименее изученных аспектов в историографии дворянского сословия. Являясь памятником истории и культуры нашей страны, частные собрания представляют собой уникальный исторический источник. Рассмотрение их состава, жанра, происхождения, позволяет составить более конкретное представление не только о взглядах отдельных владельцев, но и дает богатейший материал о культурных взаимодействиях и взаимовлияниях эпохи, модернизации, роли книжного наследия в происходящих процессах.

В дореволюционной историографии проблема книжного коллекционирования практически не изучалась. Как правило, в существовавших исследованиях упоминались отдельные библиотеки дворянства, затрагивались вопросы устройства наиболее крупных коллекций. Проблемы комплектования, жанровое и языковое разнообразие наследия в качестве отдельной проблемы не ставилось. Весьма характерным для работ первой половины XIX века выглядит труд В. Погорелова по истории собраний Московской синодальной типографии». Автор приводит общий обзор количества произведений местной библиотеки, однако не идентифицирует историю их появления, роль частных лиц в комплектовании фонда¹.

Только к середине XIX века, когда необходимость организации публичных библиотек в российских регионах получила государственную поддержку, проблематика создания книжных коллекций расширяется. Именно в это время начало формироваться библиотековедение как отдельное направление книжной культуры, в сферу которого входило описание отдельных личных собраний (в том числе из дворянских усадеб), вопросы читательской

¹ Погорелов В. Общественная библиотека в городе Усть-Сысольске, основанная частными лицами // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. № 2. С. 278-279.

активности разных групп населения [1]. Огромную роль в данном процессе сыграл выдающийся ученый и практик библиотечного и библиографического дела Н. А. Рубакин. Он системно изучал потребности российский букинистов, исследовал вопросы «самообразовательного чтения», книжных пристрастий пользователей публичных «читален». Н. А. Рубакин впервые дал обстоятельную картину книжного обращения в стране. В его капитальном труде «Этюды о русской читающей публике» обобщен большой фактический материал о распространении чтения среди всех слоев населения дореволюционного общества. Автор приходит к выводу о значительном трансферте книг из за рубежа, однако не подкрепляет его конкретными статическими данными. В результате читатели принимали его заключения за «любопытные и поучительные», однако сомневались в их верности («выводы шаткие, сбивчивые, иногда прямо противоречивые»)².

Показателем возросшего уровня интереса к библиотековедению во второй половине XIX века может служить выход справочной литературы, в которой затрагивалась история книжного дела страны. Первые сведения о российских провинциальных «читальнях» справочного характера появились в словаре П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Анализируя состав фондов общедоступных учреждениях культуры, автор считает его достаточным для удовлетворения среднестатистических потребностей провинциального читателя. Значительное количество литературы на иностранных языках, отмеченное автором, свидетельствовало о разносторонних читательских компетенциях российского обывателя. Безусловного внимания заслуживают упоминания о частных книжных собраниях России, в том числе и на территории Центрально-Черноземных губерний. Данные заметки не оперируют качественным составом коллекций, вместе с тем они являются индикатором значения отдельных собраний в культурном пространстве России³.

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона истории библиотечного дела России также уделено серьезное внимание. Авторами проанализированы сведения об отдельных библиотеках страны, изучены степень и популярность иностранной литературы среди дворянства. Значительным достижением стал ввод в энциклопедический оборот

² Гуревич Л. Я. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения // Северный Вестник. № 9, 1895. С. 9.

³ Географическо-статистический словарь Российской Империи. / П. Семёнов, В. Зверинский, Р. Маак. СПб., 1863. Т. 5. С. 33.

профессиональной библиотечной терминологии («абонемент», «библиография», «каталог», «читальня»)⁴.

Из работ второй половины XIX – начала XX в. следует выделить исследования Г.Н. Геннади, который обобществлял библиографию с книговедением. Работая над указателем «Справочный словарь о русских писателях и ученых», он занимался проблематикой владельческих книжных собраний и формированием фонда иностранной литературы российских библиотек. Новизной его подхода стало изучение библиотечных коллекций как памятников истории и культуры страны. В работе «Русские книжные редкости» (1872 г.) Г.Н. Геннади затронул проблему организации фондов зарубежной литературы в собраниях Чертковской, Дуровых, Львовых, Пекарских, Поленовых, Воейковых и других. Выявленный Г. Н. Геннади материал облегчает изучение и реконструкцию книжных пристрастий известных библиофилов России⁵.

Историю отдельных библиотек Центрального Черноземья разрабатывали С. Березнеговский, П. Пискарев, Г. В. Хитров, Г. М. Холодный, П. Я. Виноградов. Основной фокус их исследовательской деятельности относился к проблемам образования монастырских книжных коллекций учебных заведений края. Изучая эти вопросы исследователи неизбежно касались языковой принадлежности фондов и материалов по частным пожертвованиям, включавших, как правило, как русскоязычную и иностранную составляющую⁶.

Наиболее полно проблему частного коллекционирования в дореволюционной публицистике подготовил У.Г. Иваск. В своем труде «Частные библиотеки в России» он представил сведения о более чем 1300 библиотеках России, не оставив без внимания и крупные черноземные

⁴ Кирпичников, А. Библиотека / А. Кирпичников // Энциклопедический словарь : [в 43 т.]. Лейпциг; Санкт-Петербург : Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1891. Т. 6. С. 541-543.

⁵ Геннади, Г. Н. Русские книжные редкости : библиографический список русских редких книг / сост. Григорий Геннади. Санкт-Петербург: Типография А. Траншеля, 1872. 154 с.

⁶ Прибавление к Тамбовским епархиальным ведомостям. 1862. № 50. С. 502-508 ; Тамбовские губернские ведомости. 1855. № 4. С 13-18 ; Историко-статистическое описание Тамбовской епархии [/ сост. Г. В. Хитров. Тамбов, 1861 340 с.; Холодный, Г. М. Историческая записка о Тамбовской гимназии, 1786-1886 / Г. М. Холодный. Тамбов, 1886. 328 с.; Виноградов, П. Я. Исторический очерк древнерусского сельского прихода / П. Я. Виноградов. Тамбов, 1863. 112 с.

собрания⁷. Несмотря на то, что автор не разделял коллекции на частные и фамильные, собранные им материалы позволяют представить общий уровень книжной культуры региона. Среди наиболее ценных коллекций местных помещиков он выделяет библиотеки купца К.Т. Солдатенкова (8000 томов), археолога графа А.С. Уварова (1000 томов), семьи Волконских (1000 томов).

Развитие частных библиотек (в том числе на территории Центрального Черноземья) стало одной из главных вопросов работы Совета Русского Библиографического Общества. В силу общего кризиса предреволюционного дворянского сословия, особое внимание в работе организации уделялось сохранению собраний небольших имений. В 1900-1914 гг. член общества С. Р. Минцлов начал работу по изучению наиболее ценных фондов частновладельческих библиотек Черноземного центра. Были проработаны коллекции крупнейших владельцев региона, определена их культурная и мемориальная ценность. Одновременно был составлен план спасения отдельных собраний и намечено начало его реализации (1916 г.). Однако кризис военного времени и набирающие силу революционные волнения в стране не позволили осуществиться намеченным планам.

Большой источниковый материал о специфике книжного коллекционирования содержат частные записи и мемуары самих букинистов. Особую ценность в этом отношении представляют воспоминания крупного помещика, театрального критика С. Волконского. В своем имении в с. Павловка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии он собрал огромную библиотеку на русском и зарубежных языках. Ядром иностранной коллекции стали французские издания, выписанные владельцем из-за рубежа. Воспоминания С. Волконского позволяют узнать жанровое разнообразие павловской библиотеки, обстоятельства коллекционирования и значение книжного наследия для мировосприятия помещика⁸.

В целом дореволюционная историография заложила основы изучения личных библиотек в России. Важно то, что изыскания, которые делались на региональном и всероссийском уровне, можно использовать для анализа

⁷ Иваск У.Г. Частные библиотеки в России : опыт библиографического указателя. Приложение к журналу «Русский библиофил» 1911 года. Частные библиотеки в России : Опыт библиогр. указ. Санкт-Петербург: тип. «Сириус», 1912. 800 с..

⁸ Волконский, С. М. Мои воспоминания : в 2 т. Т. 2 : Родина. Быт и бытие / С. М. Волконский. Москва : Захаров, 2004. 558 с.

владельческой книжной культуры центрально-черноземных губерний на микроуровне.

В советской историографии 20-30 годов преобладал политизированный подход к оценке роли дворянских книжных собраний в культурной жизни страны. Высшее сословие признавалось классовым врагом, а его ценности объявлялись враждебными новому государству. Естественно, что данная оценка мешала нормальному изучению частновладельческих фондов. В этот период можно отметить лишь несколько работ, в которых на конкретно-историческом материале рассматривалась история провинциального книжного дела. Так, в исследовании, подготовленном А.А. Громовой, рассматриваются особенности появления первых публичных библиотек Европейского центра России, оценивается их значение для культурной жизни страны. Признавая важность просвещения и развития библиотечного дела на региональном уровне, автор делает сомнительный вывод о планомерном насаждении народных «читален», не оказывающих существенного влияния на образование провинциального населения⁹.

Общие вопросы развития культурной жизни Воронежской и Тамбовской губерний освещал П. Н. Черменский¹⁰. Автором были изучены особенности развития библиотечных учреждений, рассмотрены проблемы народной грамотности, вклад отдельных дворянских семей (Нарышкины, Воронцовы-Дашковы и др.) в дело народного просвещения. Однако доминирование классовых установок не позволили специалисту объективно подойти к характеристике провинциальной культурной динамики. Проблема частных библиотек и народных читален интересовала П. Н. Черменского лишь с точки зрения справедливой национализации книжного наследия, и перевода огосударственных фондов в советские учреждения. При этом исследователь признавал, что национализации подвергалась в первую очередь русскоязычная литература, тогда как зарубежный фонд, как правило, поступал в макулатуру.

Попытки связать развитие библиотечного дела центрального Черноземья и революционного движения отмечались и в историографии 1940-1960 гг. Борьба пролетариата и союзного крестьянства за свою свободу, по мнению исследователей, определяла развитие культурно-просветительных учреждений

⁹ Громова А.Л. Публичные библиотеки в провинции в 1830-1850 гг. // Советская библиография. 1934. № 1. С. 66-97.

¹⁰ 4. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. 88 с.

региона¹¹. Вместе с этим в этот же период стали выходить обобщающие очерки по истории русского книгопечатания¹², обзоры коллекций зарубежных книг в фондах центральных учреждений¹³.

В 1962 году советский читатель смог познакомиться с «Большой советской энциклопедией», где были впервые представлены краткие библиографические справки о крупнейших дореволюционных библиотеках страны. Из центрально-черноземных учреждений здесь упоминалась только Тамбовская публичная библиотека. При этом авторы указали на разнообразный фонд читальни, значительное количество книг на иностранных языках (появившихся благодаря пожертвованиям знаменитых тамбовских дворян)¹⁴.

В историографии 1970-х – начала 1980-х гг. проблема развития черноземных владельческих собраний ставилась в контексте обобщающих трудов по истории книжной культуры. Библиотека тамбовского наместника Г. Р. Державина изучалась в работе А. Г. Никитиной. Автор приводит отрывочные данные по составу его коллекции, анализирует историю ее формирования и значение собранной литературы для творческой лаборатории поэта¹⁵. Значительный объем фактического материала о воронежских библиотеках Волконских и Луниных опубликовала М. Белокрыс¹⁶. Проблемы личных библиотечных фондов и их книжных знаков касался А. С. Чернов¹⁷.

Значительный вклад в проблему реконструкции частных коллекций тамбовских дворян внесли работы заведующего отделом редких книг Тамбовской областной библиотеки им. А. С. Пушкина А. И. Сапогова. В 1970–х годах на основе изучения черт владельческого пользования он приступил к анализу и систематизации собраний крупных библиофилов региона.

¹¹ Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России / сост. А.Г. Кравченко, под ред. Е.Д. Стасовой. М., 1955. 163 с.

¹² Малыхин Н.Г. Очерк по истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965. 448 с.

¹³ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714-1964 / Акад. наук СССР. Б-ка. Москва; Ленинград: Наука. [Ленинградское отделение], 1964. 599 с.: ил.

¹⁴ Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Москва, 1962. Т. 2. С. 403.

¹⁵ Никитин А. Книжное сокровище Поленовых, или Загадка экслибриса «ДВП» // Альманах библиофила. Москва, 1986. Вып. 20. С. 115-124.

¹⁶ Белокрыс М. Свидетельница декабрьской ссылки // В мире книг. 1975. № 2. С. 83.

¹⁷ Чернов А. С. Возникновение книжного знака на Тамбовщине / А. С. Чернов // Клуб любителей книги. VII заседание. Тамбов. 1976. С. 1-4.

Результатом предпринятой работы стала частичная реконструкция библиотек Г. Р. Державина, Восейковых, Поленовых, Норцовых¹⁸.

Новый этап развития историографии провинциальной книжности начался в 1990-е гг. Резко увеличивается поток публикаций по истории региональной культуры (работы Ю. М. Лотмана [5], Н. И. Яковкиной¹⁹ и др.). Если ранее традиция изучения культурной динамики исходила из конкретно-отраслевого, дифференцированного подхода, то теперь многие ученые начали использовать интеграционный подход, позволяющий рассматривать библиотечную сферу как процесс, в котором при всей важности «культурных вершин» не только производство, но потребление культурных ценностей приобретает большое значение. Именно в этот период в историографии начинает активно использоваться понятие «культурная среда», которое Л. В. Кошман определяет как «сферу распространения культуры»²⁰.

Значительный вклад в историю регионального книжного дела внесла И. И. Фролова. В ее работах затрагивает вопросы коллекционирования собраний на иностранных языках. По мнению исследователя, история личных библиотек в провинции может быть разработана только в трудах локального охвата и лишь при «условии дальнейшего развития краевого книговедения» [10, с. 206].

Историю развития частных библиотек в стране затрагивала Н. А. Шавыркина. В основе научного интереса автора находятся проблемы владельческой книжной культуры, вопросы реконструкции собраний на русском и иностранных языках. При этом поставленные исследовательские задачи реализуются Н. А. Шавыркиной на стыке истории и культурологии²¹.

Начало 2000-х годов отмечено пристальным вниманием к истории книжной культуры Центрального Черноземья. Тамбовский исследователь М. И. Долженкова рассматривает библиотеки региона как неотъемлемый элемент провинциальной культурной среды [4]. А. С. Туманова отводит определяющую роль в развитии народного просвещения края частным библиотекам [9]. Е. Н. Балашова изучает каналы распространения печатных

¹⁸ Сапогов А. И. Материалы к истории публичной библиотеки в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» // Клуб любителей книги. XI заседание. Тамбов, 1977. С. 1-2.

¹⁹ Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Издательство «Лань», 2002. 576 с.

²⁰ Русская провинция. Культура XVIII - XX веков : сборник статей. Москва : РИК, 1992. 136 с.

²¹ Шавыркина Н. А. Личная библиотека: культурно-исторический анализ. Москва: Союз, 2000. 200 с.

изданий среди местных помещиков, касаясь при этом истории создания зарубежных коллекций книг [2, 3]. Отдельные аспекты владельческих знаков рассмотрены М.В. Сабетовой [7].

Серию статей о родовой библиотеке И.С. Тургенева подготовила Г.Н. Токмакова. Автор рассказывает об истоках формирования коллекции писателя (собрание семейства Лутовиновых-Тургеневых), раскрывает репертуар фонда, анализирует языковую принадлежность собрания, прослеживает его роль в формировании мировоззрения И.С. Тургенева. При этом специалист использует как архивные источники, так и мемуарную литературу [8].

Значительным вкладом в изучение книжных коллекций тамбовских помещиков внесла реализация проекта «Усадебные библиотеки Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века как элемент провинциальной культурной среды». Прделанная работа позволила уточнить методологические подходы к исследованию дворянских библиотек региона (собрания Поленовых, Державины, Вышеславцевы и др.), дать характеристику репертуара крупнейших владельческих коллекций края [6].

Таким образом, исследование фондов дворянских библиотек Центрального Черноземья еще далеко до своего завершения. Полноценному изучению данной темы мешает дефицит источников по истории книжной культуры, низкая сохранность усадебных собраний. Вместе с тем выполненный анализ историографии показывает разнообразие исследовательских подходов к характеристике частных коллекций, демонстрирует большое разнообразие авторских трактовок истории формирования отдельных библиотек дворян. Комплексное рассмотрение историографического материала углубляет наши знания о специфике книжного наследия региона, позволяет найти новые сведения о черноземных букинистах.

Литература

1. Акользина М.К. История частных библиотек Тамбовской губернии в исследовательской литературе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 121-128.
2. Балашова Е. Н. История книгораспространения в российской провинции в конце XVIII – начале XX вв. (на примере Тамбовской губернии) // В сборнике: Формирование профессиональной направленности личности специалистов –

путь к инновационному развитию России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 21-26.

3. Балашова Е. Н. Факторы, обусловившие специфику тамбовской издательской продукции (конец XVIII – начало XX в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 242-248.

4. Долженкова М.И. Досуговые традиции тамбовских клубов XIX - начала XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 6 (170). С. 61-67.

5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 2008. 412 с.

6. Пронина Л.А., Горелкина О.В. Библиотеки дворянских усадеб в культурной среде Тамбовской губернии конца XVIII – XIX вв. // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 537-548.

7. Сабетова М.В. Книжные знаки А.Н. Норцова как источник изучения усадебных библиотек Тамбовской губернии // Экслибрисы на книгах личных библиотек дворянских усадеб, купечества и предпринимателей дореволюционной России. Материалы конференции. 2019. С. 145-149.

8. Токмакова Т. Н. К вопросу об истоках формирования родовой библиотеки И. С. Тургенева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2012. №43. С.12-20.

9. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. Москва: ООО «Проспект», 2019. 480 с. <https://elibrary.ru/xrgfhh>

10. Фролова И. И. К Проблемы провинциальной книги в контексте исследования общероссийской истории книжного дела: (на материале второй половины XIX – начала XX в. // Книга: исследования и материалы. 1995. Сб. 71. С. 205-213.

Личная библиотека как исторический источник. К проблеме изучения, анализа, культурной ценности дореволюционных книжных собраний

Личные библиотеки дореволюционной России – один из самых недооцененных исторических источников. Огромный фактический материал о книжных пристрастиях букинистов, маргинальные надписи на страницах

отдельных изданий до сих пор не использовались в историко-культурных работах. Существующие работы дают лишь оперируют лишь количественными показателями коллекций, опуская их значение как фактора культурного и интеллектуального роста библиофила. «К сожалению, результаты многочисленных книговедческих исследований, оставались преимущественно в сфере историко-книговедческой же проблематики» – констатировал А.С. Мыльников [6, с. 16-18]. По его мнению, решение проблемы связи личности владельца и читаемых им произведений дело будущих исследований. Ряд других исследователей отмечают, что влияние общественных настроений (например, галломании [8, с. 4]) на читателя очевидно.

Исключение может составлять лишь литературоведение, как специфическая отрасль гуманитарного знания. Здесь библиотечное наследие рассматривается с точки зрения анализа истории написания конкретного произведения или уточнения творческой биографии писателя. В некоторых случаях, работа по данному направлению позволила трансформировать классические представления о целых направлениях литературной мысли. Так, анализ личного собрания В. А. Жуковского стало основанием для пересмотра представлений научного сообщества о процессе формирования отдельных направлений и жанров русских романтических произведений первой трети XIX века [5].

Целью исследования является комплексная характеристика значения книжного наследия дворянских усадебных библиотечных собраний. Основными задачами исследования являются анализ основных характеристик усадебных библиотек как исторического источника, определение читательских предпочтений российских дворян.

В данной публикации предпринята попытка определить особенности личных библиотек как специфического источника информации. Актуальность выбранной проблематики обусловлена отсутствием серьезных исследований, демонстрирующих источниковедческое значение частных собраний. Данный материал еще не стал основой для изучения проблем исторического развития, однако документальные возможности личных библиотек позволяют ставить и решать вопросы о связи коллекций и менталитета букиниста, истоках трансферта социально-экономических и политических концепций, характера их рецепции в конкретном месте и времени. По словам И. Н. Данилевского

«Изучение социального состава владельцев книги, круга их чтения, отношения к книге в разное время, в различных общественных слоях, регионах, конфессиях выводит исследователя на постановку новых междисциплинарных проблем коллективной психологии, менталитета, культурологии»²².

Для характеристики библиотеки как важного источника исторической данных необходимо осмысление функционального значения печатного наследия. Определяя печатные издания как особый элемент культурной среды, А. С. Мыльников предполагал, что «книга может выступать по крайней мере в двух качествах – либо как аккумулятор информации (книга как инструмент в научной работе), либо как памятник письменности и печати (книга как источник)» [7, с. 70]. По его мнению, качественная характеристика букинистических собраний возможно только через изучение духовные ценности эпохи и личные качества букинистов. Такой подход предполагал последовательное исследование книжного репертуара конкретного времени, рассмотрение тематического и языкового состава систематизированных собраний, поэземплярный анализ выявленной коллекции. Одновременно библиотеки должны были изучаться с точки зрения эпохи, в которой они бытовали [10, с. 206]. Использование данной концепции позволяет реконструировать образ жизни, культуру повседневности библиофила, понять мотивы приобретения новых произведений, сопоставить их с особенностями местной культурной среды.

Предположение о дихотомии издания (как исторического источника и как источника получения данных) представляется чрезвычайно плодотворным подходом для книговедческих работ. В этом случае частная библиотека выступает символом эпохи, становится хранителем культурного кода, «к которому чаще обращаются не за той информацией, которую дает содержание книг, а за той, которая возникла в результате жизни библиотеки» [5, с. 153] Сюда относятся такие особенности собраний, как тематический репертуар, языковая принадлежность, следы использования литературы (маргиналии, экслибрисы, инскрипты), индивидуальные переплеты и стиль оформления. Комплексный анализ всех составляющих культуры владения делает книгу важным источником исторической и культурной информации.

²² Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: учеб. пособие / под редакцией И.Н. Данилевского М.Ф. Румянцевой. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.

Однако в чем причины недооценки книжных собраний в источниковедении? Невнимание авторов к личным библиотекам вполне объяснимо низкой сохранностью частных фондов. Национализация частных имений в годы революции и гражданской войны привела к значительным потерям. В годы лихолетья – писал Ф. Г. Шилов – «люди спасали и старались сохранить мебель, бронзу, фарфор и т. п., а бесконечное количество книг было брошено в квартирах на произвол судьбы бывшими владельцами». После национализации новые владельцы помещичьих имений и городских квартир, «в лучшем случае, несли книги на рынок букинистам, чаще же продавали их на обертку рыночным торговцам, лавочникам и тряпичникам или бумажникам на картузы»²³.

В 1900-1916 гг. члены Русского библиотечного Общества В.Н. Рогожин, Ф.А. Витберг и С.Р. Минцов, занимались выявлением ценных книжных коллекций и в своих отчетах приводили сведения о погибающих при ликвидации помещичьих усадеб библиотеках. Инициативной группой организации разработан план спасения частных собраний, определены способы вывоза и места хранения произведений [1, с. 123]. Однако попытке спасти дворянские редкости не суждено было сбыться. События революции и всеобщее огосударствление поставили крест на намеченных планах.

О масштабах книжных утрат при национализации можно только догадываться. Если учесть, что только в Тамбовской губернии в начале XX века не менее 1500 имений с постоянными владельцами, то вероятнее всего счет потерь фондов личных библиотек может идти на сотни тысяч. Список ценнейших утраченных библиотек в свое время публиковал С.Р. Минцов. Масштабы трагедии поражают: имение «Березовка» (Воронежская губерния) – «все разграблено и сожжено»; имение семейства Стубут (Воронежская уезд) – «библиотека была местными крестьянами потоплена в пруду»; имение Цуриковых (Орловская губерния) – «владелец скрылся, дальнейшая судьба библиотеки не известна»²⁴. Однако даже те коллекции, которые были успешно национализированы, могли погибнуть из-за непрофессионального обращения. «Книги вывозили из усадеб сотнями и тысячами ящиков в Москву и Петербург, – писал А. Н. Греч, – где, никому не нужные, разрозненные,

²³ Шилов Ф. Г. Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора) // Альм. библиофила. 1929. Кн. 1. С. 165–200.

²⁴ Минцов С. Ф. Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции. Берлин, 1925. С. 48-51.

потерявшие свое лицо, лежали они грудями и штабелями в музейных кладовых и библиотечных подвалах» [3, с. 17].

Таким образом, фактическая потеря большей части книжного наследия в годы Революции и гражданской войны затрудняют процессы изучения личных библиотек. Недостаточные данные по букинистическим коллекциям, в свою очередь, сдерживало потенциал использования личные собраний как историко-культурных источников.

Сложности использование личных библиотек как самостоятельного вида источника может быть устранены через восстановление репертуара отдельных собраний [2]. Исследования последних лет демонстрируют возможности реконструкции конкретных букинистических коллекций на основе синтеза разных типов источников. Так, предложенная методика поэкземплярного анализа собраний дворянских имений Тамбовской губернии позволила найти 22 ранее не известных букиниста, сформировать представления о составе принадлежавшим им произведений. Кроме того, проделанная работа дала возможность дополнить уже известные библиотечные фонды. В результате в научный оборот было введено 262 новых издания коллекции Кугушевых, 94 книги из имения Хвоцинских, 85 произведений из поместья Норцовых [4, с. 70].

Основные источники по проблеме реконструкции и изучения личных библиотек дореволюционной России следует разделить на опубликованные, нарративные и архивные.

К опубликованным источникам относятся отдельные каталоги-путеводители по крупным частным коллекциям, отражающим не только описания кириллических изданий, но и рукописей произведений. По сути это самостоятельный документа по истории дворянских библиотек, который отражают характер книжной культуры во взаимосвязи владельца, литературы и эпохи. В ряде случаев в каталоги были включены описание помет, экслибрисов, позволяющее быстрее установить владельческую принадлежность конкретного труда. Так, значительный объем библиографических данных объединяет реклама книжного магазина Тамбовской типографии, основанной в 1788 году Г. Р. Державиным. Издание содержит список произведений, отпечатанных типографским способом,

краткое описание каждого произведения²⁵. Из более поздних источников подобного типа следует выделить каталог библиотеки Воейковых и Поленовых, переданных в Нарышкинскую читальню в 1894 году²⁶, список коллекции А. В. Вышеславцевых²⁷. Книги, помещенные в данные издания, отражают читательские интересы нескольких поколений владельцев, позволяют характеризовать информационную культуру провинции до революции.

Большое значение для изучения читательских пристрастий русских букинистов имеют «Щетные выписки учиненные приходной и расходной книг о продаже в Москве в академической книжной лавке иностранных книг» (выходило с 1449 по 1758 гг.) [9, с. 100]. Данное издание одним из первых каталогизировало зарубежную литературу, реализовывавшуюся в Москве на коммерческой основе. При этом источник характеризует владельческую историю каждого произведения с момента его покупки до даты продажи. В «Выписках» так же были помещены сведения об экзemplярности, стоимость печатной продукции. Таким образом, собранный в источнике материал характеризует начало развития книжной культуры в нашей стране, определяет характер и пути насыщения российского рынка книгами иностранного производства.

Схожим с «Выписками» источником информации являются списки поступлений зарубежных произведений, заносившихся в «Реестры иностранным книгам, которые по нижеписанным ценам в Московской книжной палате продавать», а также «Ведения на присылку новых книг в Москву» (так называемые «Остаточные книги») [9, с. 101-102]. Данные издания содержали простой перечень продаваемой литературы, без указания на ее экзemplярность, покупателей и специфику транспортировки.

Основным недостатком «Щетных выписок» и «Реестров иностранным книгам» являются сложности по уточнению библиографических описаний. Данные книги составлялись комиссаром Санкт-Петербургской академической

²⁵ Книги и журналы из библиотеки Г. Р. Державина. Каталог коллекции / составитель: О. В. Горелкина, Т. Ю. Дмитриева, Н. В. Николаева. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2014. 102 с.

²⁶ Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. Санкт-Петербург: Тип. А. Катанского и К^о, 1893. 246 с.

²⁷ Вышеславцев А. В. Систематический каталог художественно-исторической библиотеки А. В. Вышеславцева. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1895. 25 с.

книжной лавки, который сам отвечал за достоверность своей работы. Отсутствие знания иностранных языков у первых работников отражалось на качестве сохранившегося материала. Вместо оригинального текста они записывали иностранные буквы в русской транскрипции. При этом допущенные ошибки усугублялись при последующем переписывании. Качество текста страдало настолько, что даже знающие языки специалисты могли только догадывались о значении внесенных описаний. Особенно часто неточностями грешил первый комиссар книжной лавки Василий Иванов. В результате его стараний в книгах фигурировали «Зуверен ды монт», «Истоере де Грезе», «Эсса сыр ле малади де данг», «Ла пязанн парвены», «Сезар авегл э вояжер» и др. [9, с. 104].

Значительный объем фактического материала о книгах на иностранном языке, реализовывавшихся в Санкт-Петербурге, содержат Реестры столичной академической книжной лавки. Их публикация началась сразу после создания учреждения в 1728 году и продолжалась до 1765 года. Данный источник позволяет с высокой точностью идентифицировать автора и назначение продаваемого произведения.

Как и «Щетных выписки» издаваемые Реестры имели ряд существенных недостатков. Книги выходили в свет без серьезной корректуры, что не могло не сказываться на качестве публикуемого материала. Так в библиографическом описании монографии «Histoire de la mer et du fils» (История матери и сына) можно найти восемь орфографических ошибок. [9, с. 105]. Отдельной проблемой являлось наличие сокращений в тексте, делавшихся для экономии печатных расходов. Составители не дописывали название, опускали авторство, пренебрегали датой выхода книги.

Группа нарративных источников объединяет надписи на книгах. Этот тип источника отражает состав, особенности и тенденции развития личных библиотек, позволяя определить характер отношения владельца к своим собраниям.

Частные надписи, как эпистолярный жанр источника можно разделить на несколько видов. Одними из наиболее употребляемых являются владельческие записи, отражающие сведения о принадлежности, покупке, обмене или продаже произведения, обстоятельствах его дарения.

Запись собственника могла быть простой: «... Федора Мартынова»²⁸, «Давида Плажничкова»²⁹, «Из книг Николая «Николаева»»³⁰. В данном случае надпись отражала право владения изданием. В некоторых случаях пометки могли содержать так же сведения профессиональных занятиях букиниста, дате приобретения произведения. Так, на авантитуле четвертой и третьей части монографии М. М. Щербатова «История российская от древнейших времен» было написано: «Из книг Фельдшера Трофима Шатунова. куплена в С-Петербурге, заплачено 48 руб. 80 коп. Весьма любопытные Книги»³¹.

Традиция подписывать свои книги зародилась еще в XVII веке. В это время библиотеки были величайшей редкостью, признаком состоятельности человека. Как предметы высокой стоимости, издания постепенно превращались в реликвии, относящиеся к конкретным семьям и родам. Произведения часто украшались драгоценностями, помещались в оклады и ставились под надежную охрану. Помимо указания на фамилию букиниста, во вкладных надписях указывалось время приобретения литературы, подробно описывалось наказание за воровство. Так, одна их помет недвусмысленно сообщала: «А кто бы смел ее взять от церкви, той да будет проклят в сей век и в будущий и не прощен, и по смерти не разрешен. Аминь»³². После данных угроз было добавлено: «...подписал сию книгу государя своего Федула Федоровича Боборыкина человек его Спирка Пузанов». В последнем случае речь могла идти о брате основателя г. Тамбова, за которого расписывался его грамотный слуга С. Пузанов³³. Вкладные надписи, таким образом, были верным стражем собственности человека, подчеркивая ценность и значения конкретной книги для человека.

Более полную информацию о широте литературных интересов и круге чтения дают дарственные записи (инскрипты). Данный вид помет мог быть представлен в разных формах, содержать информацию о времени передачи издания, указывать на степень знакомства дарителя и адресата. В этом

²⁸ Русская книга гражданской печати XVIII века (1711-1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области: каталог. Тамбов: Пролетарский светоч, 2011. С. 18.

²⁹ Там же. С. 54.

³⁰ Там же. С. 88.

³¹ Там же. С. 129.

³² Гетманский, Э. История российского книжного знака (геральдический экслибрис). URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/5328> (дата обращения: 15.08.2022).

³³ Чернов А. С. Возникновение книжного знака на Тамбовщине // Клуб любителей книги (7-е заседание). Тамбов, 1976. 4 с.

отношении характерна помета в «Новом ядре российской истории»: «Эта книга Нехачина. В Тамбовском музее. 1879 года декабря 14 от Н.А. Покровского»³⁴. Инскрипт уточняет время комплектования музейной библиотеки, начавшееся как мы видим, не позднее 1879 года. Не менее информативна заметка на монографии И.И. Фильбигера «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи»: «Из книг Матвея Бороздина, которые подарил Константин Бороздин»³⁵. Данный инскрипт уточняет судьбы части бороздинской библиотеки, перешедшей от сына к отцу.

Архивные источники по истории частных библиотек наиболее часто представлены дневниковыми записями, письмами букинистов. Так, в составе личных материалов в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) есть документы, позволяющий восстановить круг чтения Д.М. Голицына (Ф. 340), А.Д. Меншикова (Ф. 198). Чаще всего это письма к друзьям с просьбами прислать интересные издания, поделиться впечатлениями о прочитанном. В личном фонде Орловых-Давыдовых, хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 219) имеются конспекты книг из семейных коллекций. Данные материал позволяет определить круг чтения конкретных представителей рода, дать представления о времени знакомства с отдельными изданиями местной библиотеки. Для анализа региональных аспектов истории личных собраний следует выделить материалы дел семьи Цуриковых, хранящихся в Государственном архиве Орловской области (Ф. 649). Здесь помещены автобиографические заметки, опись личной книжной коллекции.

Таким образом, личная библиотека – чрезвычайно важный, многоуровневый, но недооцененный источник информации. Основные затруднения его использования определяются малоизвестностью и лакунарностью ряда книжных коллекций. Недостаточность методологических подходов к анализу и реконструкции частных фондов обуславливает недооценку значения дореволюционных библиотек в источниковедении. Тем не менее, характеристика отдельных собраний в качестве историко-культурного источника позволяет осветить важнейшие вопросы в истории

³⁴ Русская книга гражданской печати XVIII века (1711-1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области: каталог. Тамбов: Пролетарский светоч, 2011. С. 72.

³⁵ Русская книга гражданской печати XVIII века (1711-1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области: каталог. Тамбов: Пролетарский светоч, 2011. С. 120.

складывания и развития информационной культуры, определить роль литературы в обществе, сделать выводы о специфике трансферта и рецепции книжной информации.

Литература

1. Акользина М.К. История частных библиотек Тамбовской губернии в исследовательской литературе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 121-128.
2. Алексеенко М.В. «Рассеянные» книжные коллекции в вузовской библиотеке: из опыта исследования и реконструкции // Вестник Одесского национального университета. Серия: Библиотековедение, библиографоведение, книговедение. 2014. Т. 19. № 1 (11). С. 47-58.
3. Греч А. Н. Венок усадьбам. Москва: АСТ, 2010. 336 с.
4. Житин Р. М., Топильский А.Г. Информационная система «усадебные библиотеки Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX вв. как элемент провинциальной культурной среды»: особенности построения ресурса и значение для развития книжной культуры // Проблемы аграрной истории России: материалы Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 года. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 69-72.
5. Ильина О. Н. Личные библиотеки как источник по истории цензуры // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Международной научной конференции. Москва: Наука, 2013. С. 150-155.
6. Мыльников А.С. История книжных собраний как отрасль книжно-исторического знания // История книги. Теоретические и методологические основы. сборник научных трудов. Сер. "Актуальные проблемы книговедения" Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел редких книг. Москва, 1977. С. 11-21.
7. Мыльников А.С. Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории. Москва, 1976. С. 58-74.
8. Токмакова Т.Н. Французская книга в частных коллекциях первой четверти XVIII в. в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 3-11. <https://www.elibrary.ru/mkdwlu>

9. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР; под редакцией С. П. Луппова. Ленинград: Наука, 1986. 252 с.
<https://www.elibrary.ru/xckybj>
10. Фролова И. И. К Проблемы провинциальной книги в контексте исследования общероссийской истории книжного дела: (на материале второй половины XIX – начала XX в. // Книга: исследования и материалы. 1995. Сб. 71. С. 205-213.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ XVIII ВЕКА

Издания на иностранном языке на книжном рынке России в первой половине XVIII века

Деятельность Российской академии наук по распространению книг в российской провинции является достаточно изученной. Обширные фактические данные по данному вопросу были приведены в трудах А. Д. Бочагова [1], С. П. Луппова [4], Н. А. Копаневым [3]. Исследователями проанализированы способы поставки изданий, приведен репертуар продаваемых монографий, охарактеризовано значение книжной продукции для отечественного книжного рынка. Однако круг затрагиваемых вопросов мог быть гораздо более широким, если бы ученые использовали данные печатных книготорговых каталогов, выпускавшихся Академией наук для своей Петербургской книжной лавки.

В истории российской книги XVIII века материалы книготорговых каталогов занимают особое место. Каталоги представляют собой классические малотиражные брошюры, содержащие списки книг, продававшиеся в академической лавке. Наряду с русскоязычными сочинениями, здесь публиковались данные о заграничных изданиях, поставляемых в Россию комиссионерами из Германии, Италии, Англии, Франции и других стран Европы. Данные каталоги изготавливались исключительно в рекламных целях, а потому раздавались бесплатно всем желающим. Именно поэтому количество таких источников в российских архивах незначительно. Основная масса таких источников продолжает храниться в БАН России [2, с. 92-93].

Обобщенные данные содержания академических каталогом представлены Н. А. Копаневым [3]. Характеризуя значение данных изданий как исторических источников, он отмечал их высокую значимость для подготовки выводов «об изменениях книготоргового репертуара на протяжении всего рассматриваемого периода, характере культурной ориентации России в первой половине XVIII в., анализа изменений читательских запросов образованной части русского общества» [3, с. 40]. Таким образом, каталоги являются одними

из немногих документов, которые позволяют проследить качественные характеристики трансферт книг из-за рубежа в России в середине XVIII века.

Наиболее разработанными в историографии считаются материал каталогов за 1731, 1734, 1738, 1739 и 1750 годы. Внешне это были небольшие рекламные листы с библиографическими списками отдельных изданий. Названия книг приводилось на языке оригинала (без перевода на русский). Библиотечная запись включала в себя автора произведения, его название, год и место его издания. В случае продажи многотомников указывалось общее количество томов в серии.

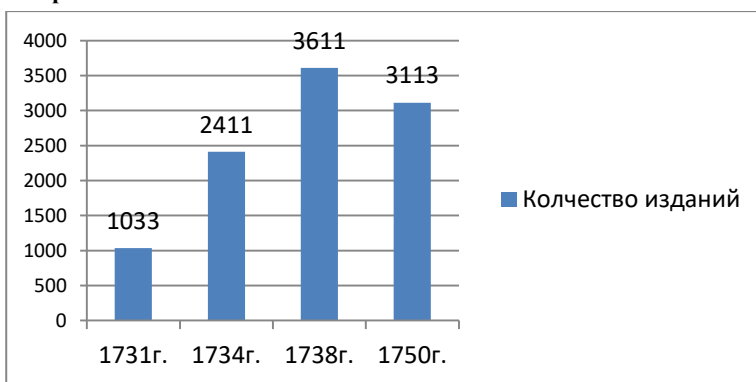
Обобщенные данные по числу продававшихся книг России показывают постепенное возрастание торгового репертуара в 1731-1739 гг. (Диаграмма 1.) [3, с. 41]. За этот период книгооборот увеличился более чем втрое и достиг солидной цифры в 3611 произведений. Небольшой спад в реализации иностранных изданий, отмечаемый в 1738-1750 гг., был связан не с потерей интереса к литературе как таковой, а по всей видимости, объясняется административно-управленческой перестройкой Академии наук. В 1742 году из ее структуры был исключен иностранный отдел, в результате чего работа с зарубежными комиссионерами стала невозможной. Тем не менее, даже после этого в России удалось реализовать более 3 тыс. единиц заморской книжной продукции [7, с. 100].

Состоит отметить, что количественная представленность произведений в каталогах в первой половине XVIII века не уступала аналогичным изданиям за рубежом. По данным Н. Копанева, в рекламном листке немецкого комиссионера Амброза Хауде в 1730 г. значилась 781 книга на немецком и латинском языках, а в русском издании 1731 г. – 725 сочинений. В брошюре, которую подготовил амстердамский книготорговец Мейнард Утверф в 1745 г., было описано 978 французских книг, в академическом каталоге 1750 г. нашло отражение 851 французское произведение [3, с. 41].

Анализ языковой принадлежности продававшихся книг показывает изменение географии репертуара закупаемых продукции. В 1731 году доминировали издания на немецком языке. В общем числе продававшихся монографий прусские книготорговцы поставили в Россию почти половину всех сочинений. Объяснение этого явления логично кроется в политическом и идеологическом засилье немцев при дворе Анны Иоанновны в 1730-1740 гг. Кроме того, сказывались и значительные производственные возможности

германских издательств, тесно связанных с российским книжным рынком. В середине XVIII века в Санкт-Петербурге одновременно присутствовало более 100 немецких комиссионеров. Влияние прусской книжной культуры было настолько велико, что даже после победы над бироновщиной и воцарением Елизаветы Петровны обвала продаж немецких изданий не произошло. В 1739 г. немцы привезли и реализовали в России 1767 тома, а в 1750 г. – 1642 тома. В итоге в 1750 г. германские книги занимали 52,7% русского рынка [4, с. 55].

Диаграмма 1. Динамика представленности репертуара в книготорговых каталогах в 1731-1739 гг.

Данные о распространении в каталогах французской книги позволяют корректировать сведения начала в России галломании (преклонением перед всем французским). Как минимум до середины 50-х гг. XVIII франкоязычные издания в России не пользовались популярностью. Если в абсолютном значении наблюдался рост присутствия изданий из Франции, то в процентном отношении доля таких изданий на местном книжном рынке никогда не превышала 27,3 %. Чтобы хоть как-то привлечь внимание русской публики на франкоязычную литературу, в 1737 году Академия наук принимает решение подготовить отдельный каталог таких изданий. По мнению издателей, «особливый каталог обретающихся в книжной лавке французских книг» должен был помочь читателям увидеть издания, которые «за множеством латинских и немецких книг не так легко в глаза попадают» [5, с. 528]. Популярность франкоязычных сочинений стала возрастать только со второй

половины XVIII века. В 1750 г. их доля в общем книготорговом репертуаре возросла до 27,3%, а в 1752 г. до 59%.

Отметим огромную популярность в России латинской книги. Спрос на нее, безусловно, определялся деятельностью самой Академии наук, транслирующую латынь через преподавание. Спрос на такие издания был стабилен и практически не менялся на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1731 г. в каталоге присутствовало 274 латинских томов (23,4%), в 1734 – 412 (27,2%), в 1739 – 807 (28,1%). Значительное предложение книг в каталоге обуславливалось высокой популярностью у покупателей. По данным Н. А. Копанева, «из 242 латинских книг, продававшихся в 1731 г., к 1734 г. в лавке осталось лишь 96, т. е. все привезенные в Петербург экземпляры 146 книг (произведений) на латыни были распроданы» [3, с. 41].

Снижение внимания к латинским изданиям произошло только в 1750-х годах. В 1752 году книготорговом каталоге можно было найти только 300 томов на латыни (только 10% от общего числа продававшихся иностранных книг).

Характеризуя популярность латинских, немецких и французских изданий в первой половине XVIII века, следует отметить их тотальное превалирование на книжном рынке России. Книги на голландском и итальянском языках, также продававшиеся в России, расходились в небольших количествах и явное не вызывали интереса у местного читателя. Возможно, это было связано с низкой языковой культурой россиян этого периода. Даже в открытой 1687 году Славяно-греко-латинской академии (Москва) в основе обучения значилась латынь. Только с середины XVIII столетия стали обучать на немецком и французском языках [6, с. 74].

Изучение репертуара продаваемых Академией наук книг – важный сюжет для характеристики книжной культуры послепетровского времени. Изучение совокупного става отраженных в каталогах издания позволяет говорить о широком жанровом разнообразии привозимых в Россию сочинений. Особенно много привозилось художественной литературы, трудов по истории, географии, медицине, военным и естественным наукам.

Изменения в объеме выпускаемых каталогов за 1731, 1734, 1738, 1739 и 1750 годы свидетельствовали о серьезном прогрессе реализации изданий всех жанров и направлений. Так, в 1731-1750 гг. число реализуемых исторических трудов увеличилось вдвое, изданий по философии – втрое. Вдвое больше стало

реализоваться книг по военному делу, вчетверо – сочинений географии. При этом примечательно уменьшение литературы религиозной тематики. Занимая значительное место в книжном трансферте 1730-х годов (12 % изданий), в 1750-х гг. ее доля уменьшилась до 6,1 %. Таким образом, заказы отражали светский характер книготорговой деятельности Академии наук. Согласно инструкциям, среди «новых книг никаких молитвенных и других богословских, также и юридических диссертаций, к которым здесь охотников быть не может» [3, с. 13].

Отдельно отметим разнообразие продаваемой в России произведений художественной литературы. В 1734 г. этот жанр занимал первое место по количеству продаваемой продукции. В каталоге за этот год значилось 37 томов на немецком, 7 на латинском, 29 на французском языке. Это были крупные произведения европейской классики, изданные на рубеже XVII-XVIII веков (Приключения Телемака (1699), Разговоры о множестве миров (1686) и др.). К 1750-м годам репертуар художественных произведений лавки торговой лавки сильно возрос. Только в 1752 г. в Петербурге можно было купить 52 немецкоязычных сочинения, 209 французских книг.

Количество продаваемой продукции из Франции поражает воображение. Академия прилагала российскому читателю по покупке более 100 романов (отдельных произведений) от ведущих французских авторов (Пьера Корнеля, Ж.-Б. Мольера, Никола Буало, Жана Лафонтена, Фенелона, аббата Прево, А. Р. Лесажа, Шарля Перро, Вольтера. Отмечая гегемонию франкоязычной литературы в России, Н. А. Копанев писал: «роман, в основном французский, носивший порой философский, порой развлекательный, порой назидательный и моралистический характер, наибольшим образом повлиял на русского читателя середины XVIII в.» [3, с. 49]. При этом присутствие в разных каталогах переизданий одних и тех же книг говорит о необычайной популярности художественных произведений у русской публики. Так, 6-й том собрания сочинений Мольера, продававшийся в 1734, вновь появляется на рынке в 1750 году, но уже в новом парижском издании.

Активная поставка на русский рынок французской книжной продукции имела и другой эффект. Французский язык выступал языком-посредником, знакомившим русского обывателя с классикой мировой литературы. Так, в 1730-х гг. в Петербурге во французских переводах продавались книги итальянца Джованни Боккаччо, испанцев Сервантеса Балтазара Грациана,

англичанин Джонатан Свифт и Даниэля Дефо. В 1750 г. – в сборник «Английский театр» по-французски печатались произведения Уильяма Шекспира, ставшее первым изданием сочинений великого классика для русского читателя.

Стоимость продаваемой литературы, отраженной в каталоге, на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась высокой. Книги большого формата оценивались в среднем больше 7 рублей за том, среднеформатные издания стоили в 2 руб. 60 коп., небольшие сочинения можно было приобрести за 47 коп. По наблюдениям А. Н. Копанева, «сравнение стоимости книг в России и за границей показывает, что при установлении цен Академия наук прежде всего учитывала стоимость иностранных изданий в Германии». Так, 13-томная «История Англии» Рапена де Туара стоила в Лейпциге 39 талеров, в России это произведение оценивалось в 39 руб. 50 коп. «Прибавление...» к этой «Истории...» Н. Тендаля могло быть куплено за 6 талеров в Берлине, и за 6 рублей в Санкт-Петербурге. Учитывая, что курс немецкого талера в середине XVIII в. был равнозначен рублю (1 талер стоил 0,91 копейку), зарубежные издания реализовывались в нашей стране без значительной книготорговой наценки [3, с. 49].

Данные о покупательском спросе на книги из академических каталогов показывают высокую популярность продаваемой литературы у читателей. Наиболее полно данный сюжет отражают отчеты комиссара Московской академической книжной лавки Василия Иванова, приведенные А. Н. Копаневым. Согласно этим данным, «из 468 экз. французских книг (299 названий), поступивших для продажи в Москву в 1749 г., за два года было реализовано 438 экземпляра (или 94%) продававшихся французских книг». Из 251 экземпляров немецких изданий (142 названия), привезенных в Москву в 1751 г., за два года было продано 102 книги (или 41%) [3, с. 41]. Таким образом, наибольший интерес вызывала у публики продукция французских типографий, предлагавших букинистам литературу для повседневного чтения (художественные романы, периодика), а также значительный объем общегуманитарных изданий. Свое воздействие на эти процессы оказывала и набиравшая силу русская галломания.

Изучение книготорговых каталогов Российской академии наук демонстрирует высокую значение иностранной литературы в истории

книжной культуры XVIII века. Сам факт печати данных изданий свидетельствует об интересе читателей к печатному слову, обозначает запрос обывателей на покупку сочинений для личного пользования. Содержание книготорговых каталог показывает, что в послепетровское время среднестатистический читатель мог приобрести разные по жанру, тематике, объему сочинения, а разнообразие продававшейся иностранной литературы говорит о полиязычности ведущих европейских авторов.

Литература

1. Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук. 1728-1740. – Санкт-Петербург: ред. журн. "Библиограф" (Н.М. Лисовского), 1893. – 24 с.
2. Геннади Г. Н. Литература русской библиографии. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1858. 196 с.
3. Копанев Н.А. Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 40-60.
4. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725-1740). - 1976. - 378 с.
5. Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. Императорской акад. наук, 1886. 886 с.
6. Сурина О.П. Иностранные языки в системе образования России XVIII века // Педагогическое образование. 2008. № 3. С. 74-84.
7. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР. Под ред. С.П. Луппова. Л., 1986. 252 с.

Французская книга и развитие книжной культуры России второй половины XVIII века

Во второй половине XVIII века дворянские библиотеки в значительной степени комплектовались литературой на французском языке. Появление зарубежных изданий в личных коллекция высшего сословия связано с явлением галломании – ярко выраженного преклонения перед всем французским, утвердившимся в период становления и развития Российской

Империи. Изучавший данное явление А.Н. Греч связывал «исключительную своеобразность» личных собраний дворянства с обилием редких французских книг, приобретаемых владельцами за рубежом [3, с. 61].

Мода на все французское связана с преобразованиями Петра I. Поездка царя во Францию в 1717 г. должна была продемонстрировать силу зарождающейся в России абсолютной монархии. Поэтому французская культура, достигшая наибольшего влияния в период укрепления европейского абсолютизма, представлялась самодержцу важной доктриной развития общественно-политической жизни в России. «Сменявшие друг друга монархи нуждались в идеологическом оформлении своих государственных и политических интересов, в культурном и литературно-художественном закреплении и обосновании их» – отмечала Л. И. Сазонова [13, с. 121]. В результате уже при жизни Петра I галломания стало неотъемлемой частью внутренней политики страны.

В 1724 году по образцу французской академии возникает российская Академия наук, обеспечивающая продвижение западной образовательной модели в российских учебных заведениях. Одновременно началось строительство Русского Версаля – масштабной резиденции Петра Великого под Санкт-Петербургом. Даже в государственный аппарат страны начинают набираться люди, хорошо владевшие французским языком [15, с. 31].

Склонность к галломании подкреплялось универсальностью французского языка. Дело в том, что на протяжении XVII – первой половины XVIII столетий французы перевели практически всю европейскую художественную классику и античную литературу. В результате знание языка Мольера давал возможность русскому читателю знакомиться не только с сочинениями Вольтера, но и с ведущими английскими, испанскими, итальянскими, немецкими авторами. Кроме того, важным фактором галломании на протяжении всего XVIII века являлась светскость выпускаемой литературы. В то время как основная масса книг, выпускаемая в Германии в первой половине XVIII в., относилась к различным религиозным трудам, французские типографии выпускали общественно-политические и научные произведения. Таким образом, французская печать обеспечивала светскую модель модернизации и знакомила русского обывателя с ведущими идеями европейского Просвещения.

Основными центрами распространения изданий на французском языке в середине XVIII века являлись Петербургская и Московская академические книжные лавки. Их появление определялось развитием университетского дела в России и подкреплялось устойчивым вниманием общества к французской культуре. Основным источником комплектования данных учреждений являлось централизованная закупка литературы за рубежом и ее последующая реализация в стране. Первая крупная партия заморских книг пришла в Россию в 1728 году (порт в Санкт-Петербурге). В корабельных трюмах находилась продукция, изданная в ведущих типографиях Амстердама, Гааги, Лейпцига, Парижа, Лондона [4, с. 40]. Практически все привезенные книги сразу нашли своего читателя. Поэтому крушение корабля с новой партией в 1729 году было воспринято современниками как трагедия, но не повлияло на динамику начатого дела. Судя по рекламным предложениям петербургской лавки, в 1831 году русскому читателю предлагалось 1033 наименования изданий. В 1734 г. число иностранных произведений, доступных для продажи, возросло до 2411, а в 1739 г. репертуар реализуемой литературы достиг 3611 названия [5, с. 59].

Ассортимент заводимых в страну изданий отражала специфику читательских интересов образованной публики. Согласно данным академических каталогов, французская книга достаточно быстро вытесняет из продажи произведения на других языках. Если в 1751 году в общем книготорговом репертуаре преобладала литература на немецком языке (49%), то в 1752 году абсолютным лидером стали франкоязычные книги (51%) [7, с. 528-529].

Французские издания не только широко ввозились в Россию, но и масштабно рекламировались. Начиная с 1731 года Академия наук выпускала отдельные каталоги зарубежных издания, доступные для приобретения лавке. С 1731 по 1764 г. вышло 10 000 объявлений о возможности покупки зарубежной литературы [15, с. 60]. По наблюдению видного историка Э. Омана, этот период символизировал начало «французского культурного завоевания» России, связанного с тотальным увлечением российской аристократии литературой чужой страны [15, с. 50]. Галломания во многом подчеркивала французскую культурную ориентацию русской дворянской аристократии имперского периода. При этом преклонение перед всем французским как массовое культурное влияние было настолько устойчивым,

что ценность франкоязычной литературы признавалась даже во времена бироновщины – немецкого засилья в придворном окружении.

Значительный интерес подставляет изучение мест издания франкоязычных произведений, продаваемых в России. Исследования Н. А. Копанева показали, что в 1750 г. французские книги, напечатанные на их языковой родине, были хуже представлены в России, чем аналогичная литература, выпущенная в Голландии [8, с. 44]. Несмотря на то, что с конца 1730-х годов доля парижских томов в общей структуре оборота постоянно росла, большая часть франкоязычных книг привозилась из Амстердама и Гааги. Это касалось как Петербургской, так и Московской академических лавок.

Распространение амстердамских и гаагских изданий подчеркивало специфические черты российской книжной торговли, однако вряд ли отражало логику книгоиздательства того времени (подавляющее большинство франкоязычных томов на протяжении всего XVIII века продолжало появляться во Франции). Тем не менее причины внимания к голландской продукции понять несложно. Преобразования Петра I были тесно связаны с Нидерландами. Из этой страны в Россию шел трансферт научно-технических сведений, товаров, услуг. Большое значение также играли профессиональные отношения с местными специалистами, приезжавшими в Россию для строительства мануфактур, мельниц, заводов. Все это рождало необходимые связи и взаимные интересы для культурного обмена. Так, уже с конца 1730-х гг. в Петербургской лавке можно было купить труды на голландском языке, а сама Академия наук имела своих агентов в Амстердаме [15, с. 67].

Вербовка агентов – определяющий элемент трансферта литературной продукции из Нидерландов. Как правило, это были знаменитые в своем деле голландские книготорговцы. Известно, что в 1730-х годах в Амстердаме российские интересы обслуживал крупный специалист Вейтбрехт. В его задачи входила подготовка реестров книг, их отправка в Россию [6, с. 110]. В последующем деловые связи были налажены с Мейнардом Утверфом и Ватштейном, державшими ряд крупных типографий в Амстердаме [8, с. 65]. При этом нанятые агенты могли доставлять в Россию не только свою продукцию, но также любые другие произведения, интересующие русскую публику. Таким образом, дворяне могла познакомиться с продукцией

ведущих гаагских книгоиздателей: Борегарда (Beauregard), Пьера де Хонда (Pierre de Hondt), Пони (Paupic), Шерлера (Scheurleur), Ван Дюрена (Van Düren), Моэт-жана (Moetjens) и лейденских производителей: Вербека (Verbeck), Ван дер Аа (Van der Aa).

Если в Голландии достаточно быстро удалось наладить посредничество добровольных корреспондентов, то во Франции это стоило большего труда. (сказывался гораздо значительный уровень культурных связей с Нидерландами). Только с 1730-х годов было заключено соглашение с крупным парижским книгоиздателем Бриасоном. Именно с его деятельностью связан резкий взлет рынка франкоязычных изданий в России. Он привозил на местный рынок продукцию Кавелье (Cavelier), Дюпюи (Dupuis), Дюрана (Durand), Жомбера (Jombert), Роллена (Rollin), Про (Prault) и других французских типографий. Одновременно Бриансон наладил продажи российских книг на французском языке во Франции и даже осуществил продажу в Париже библиотеки русского дипломата и поэта князя Антиоха Кантемира [2, с. 70].

Отношение между российскими торговыми лавками и зарубежными корреспондентами формировались стихийно. На начальном этапе формирования компаративных связей был распространен бартерный обмен. Такой расчет был сопряжен с определенными сложностями, ведь каждая из сторон стремилась продавать свои продукцию по завышенной цене, а покупать по стоимости ниже рыночной. Одновременно случалась поставки дефектных экземпляров, без существенных уступок по цене. Пытаясь регулировать бартерные процедуры, Академия наук выпустила четкие инструкции: «Здесь выход книги отпускать за море по такой же цене, как оные здесь продаются, ибо от того прибыли нет, что на здешние книги цена накладывается, а напротив того, и тамошние корреспонденты на свои книги дороже цену поставя, сюда присылают» [9, с. 466].

Наличие бартерного расчета в книготорговле определялся отсутствием достаточного финансирования со стороны Академии наук и, безусловно, ставило развитие рынка в зависимость от эффективности работы академических типографий. В страну ввозилось ровно столько продукции, сколь вывозилось русскими типографами в Европу. С одной стороны, это сдерживало процессы распространения книг в России, с другой – наблюдался обратный трансферт отечественной продукции за рубеж.

Книжный экспорт формировал представления европейцев о русской истории, повышал имидж страны в международном книгообмене.

Лишь небольшая часть тиража франкоязычных изданий покупалась за наличный расчет. Данное правило действовало только в случаях невозможности или сложности книгообмена. При этом академия требовала от агентов разумных закупок «не на великую сумму» и под строгим контролем вплоть до «прямого наблюдения» [10, с. 225].

Характерной особенностью трансферта книг из-за рубежа являлся тщательный отбор продукции иностранных издательств. Большая часть заявок на издания формировала академическая профессура по так называемым дезиратам. Они периодически составлялись и передавались в книжные лавки. Одновременно Академия наук выписывала специализированные периодические издания, содержащие отзывы на книги. Так, в Россию приходили «Журнал ученых» «Французская библиотека» «Английская библиотека», «Германская библиотека» и др.

Незначительная часть книготорговых списков формировалась по частным пожеланиям библиофилов. Постепенно данная услуга набирала все большую популярность. Этому в немалой степени способствовала реклама в «Ведомостях». Так, в 1752 году академический книготорговый каталог предлагал «всем желающим купить какие-либо книги», сделав своевременный заказ. При этом «книжная лавка брала на себя труд по их доставке будущим летом на первых же кораблях» [1, с. 1729]. Аналогичные надписи можно встретить в книготорговых каталогах, публикуемых академией. Наличие подобных сообщений говорит об активных попытках российских книгоиздателей установить прямую связь с читающей публикой.

Важно проследить персональный состав покупателей российских изданий. В силу столичного характера проживания крупнейших черноземных помещиков-букинистов приобретение литературы предполагалось прежде всего для библиотек центральных усадеб в Санкт-Петербурге. Документы академической лавки показывают, что в конце XVIII века наиболее часто книгами интересовались князь А. Ю. Трубецкой, барон А. Г. Строганов, фрейлина Е. Р. Воронцова, князь Голицын, князь Гагарин. При этом каждый клиент выбирал продукцию на свой вкус. Если Строгановы были равнодушны к художественной литературе, то Трубецкие скупали произведения историко-философского содержания.

Расширение университетской инфраструктуры в стране повлекло за собой модернизацию книжной торговли. В 1756 г. вслед за основанием Московского университета была учреждена Московская лавка. На первых этапах здесь продавалась учебная литература, «состоящая из знатного числа книг на почти всех европейских языках» [10]. Весной 1856 года московские ведомости сообщали о возможности покупки здесь «Латинская грамматика на французском», «Рудименты латинские на французском», и «Новый лексикон, которого сочинитель Ру».

В последующем книжный ассортимент Московской лавки расширяется. 30 января 1761 г. Ведомости сообщали о получении «немалого числа латинских, французских и немецких книг», готовых к продаже [11]. О том, какие издания могли прочитать москвичи, наглядное представление дает каталог французских изданий, продававшихся в 1761. Издание состоит из 447 франкоязычных томов, большинство из которых были напечатаны во Франции (110 названий) и Голландии (116 названий). Продавались также издания, изданные в Австрии, Дании, Швейцарии и Италии. [15, с. 94].

Рост политического и экономического влияния в России в мире обуславливал все больший интерес иностранцев к русской культуре. На французский и другие европейские языки стали переводиться заграничные путешествия, экономические трактаты, политические памфлеты, произведения российских писателей. География таких изданий была достаточно широка и включала типографии Парижа, Амстердама, Гааги, Лондона, Берлина.

Обилие выпущенной продукции даже позволило современникам выделить подобные издания в отдельный литературный жанр, названный «Россика», т. е. сочинения о России. Произведения этого направления были далеко не равноценны по своей значимости, однако они давали обширное представление о социальной и экономической жизни в российской провинции.

Основными темами для французской «Россики» второй половины XVIII века были проблематика европейского выбора России, политические преобразования Петра I, просвещенный абсолютизм Екатерина II. Русские культурные процессы этого периода мало интересовали как западного писателя, так и читателя, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что первое

объемное описание допетровской эпохи было представлено П.-Ш. Левеком и Н.-Г. Леклерком только в 1780-е гг. [15, с. 177].

Русское самодержавие прекрасно понимало значимость трансферта отечественной культуры за рубеж и неоднократно обращалась к помощи французских авторов для повышения имиджа и престижа монархии. Наиболее активно этому способствовал просвещенный абсолютизм Екатерины II, создающий питательную среду для трансферта общественно-политической мысли в Россию. «Вы действительно сделались благодетельницею Европы и приобрели себе подданных величием вашей души более, чем другие могут покорить оружием» – льстиво писал о «Семирамиде Севера» Вольтер [12, с. 120].

Обратной стороной монаршего покровительства стала цензура порочащих монархию сочинений. Одной из первой книг «Россики», попавших под опалу, стал труд А. Гудара «Записки для истории Петра III». Памфлет раскрывал неприглядные стороны государственного переворота 1762 года, в результате которого Екатерину II пришла к власти. «Прикажите всем нашим министрам, прилежно изыскивать автора, требовать дабы он наказан был, конфисковать все эдиции и заказать привоз оной книги в Россию», писала канцлеру М. И. Воронцову [14, с. 559]. Приказ был выполнен, однако часть тиража все же нашла своего читателя.

Однако, несмотря на принятые меры, запрет книг французских писателей только подогревал интерес русской читающей публики. Активное книгоиздание обусловило появление и бездефицитную продажу таких изданий на российском рынке. Так, если в 1780-е гг. у московского книгопродавца Ридигера (1781 г.) и в петербургской лавке Ш.-Г. Миллера (1789 г.) можно было приобрести около 20 франкоязычных книг о России, то в конце 1790-х гг. в каталогах Ридигера (1798 г.) и Куртене (Москва, 1797 г.) значилось уже примерно 30 наименований «Россики». [1, с. 188]. Запретные произведения присутствовали в личном пользовании М. М. Щербатова, в огромных книжных собраниях Шереметевых, Воронцовых и других дворян России.

Рассмотрение проблем трансферта франкоязычных изданий в Россию показывает высокое значение зарубежной литературы в формировании книжной культуры российского дворянства. Чтение иностранных произведений имело прогрессивный характер, так как формировало в

обществе нормы классицизма и просветительства, знакомила высшее сословие с лучшими творениями мировой литературы. Галломания позволила дворянам стать частью общеевропейского культурного пространства, получать передовые знания в общественной, политических и социальных сферах. При этом характер присутствия французской книжной продукции в России определялся академическими типографиями, отвечавшими за книготорговые процессы. Активная работа академии по закупке и распространения иностранной литературы позволила в кратчайший срок насытить рынок необходимым количеством изданий.

Литература

1. Ведомости. 1729. № 17 (1 марта). С. 68.
2. Геннади Г. Н. Литература русской bibliографии: Опись bibliогр. кн. и ст., изд. в России. Санкт-Петербург, 1858. 196 с.
3. Греч А.Н. Венок усадьбам. Москва, 2010. 333 с.
4. Копанев Н.А. Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Ленинград, 1983. С. 40-60.
5. Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Ленинград, 1988. 156 с.
6. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725-1740). Ленинград, 1973. 380 с.
7. Материалы для истории Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1886. Т 2. 886 с.
8. Материалы для истории Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1895. Т 7. 818 с.
9. Материалы для истории Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1895. Т 8. 794 с.
10. Московские ведомости. 1756 № 2 (30 апреля). С. 1
11. Московские ведомости. 1756 № 9 (30 января). С. 1
12. Павленко Н. И. Екатерина Великая. Москва, 2003. 495 с.
13. Сазонова Л.И. Переводная художественная проза в России 30-60-х годов XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Москва, 1982. 291 с.

14. Сборник Русского исторического обществ. Санкт-Петербург, 1885 Т. 48. 718 с.
15. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР; под редакцией С. П. Луппова. Ленинград, 1986. 252 с.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ДВОРЯНСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Личные библиотеки дворянства как элемент культурной среды (первая половина XIX века)

Исторический опыт показывает, что в России, как и в странах Европы, чтение является атрибутом жизни модернизированных групп населения. Господствующие в устоявшихся обществах социальные структуры, базирующиеся на укоренившихся образцах поведения, были тесно связаны с устным общением [13, с. 16]. И только в модернизированных сообществах появляется потребность в печатном слове как универсальном источнике передачи информации.

Важнейшим показателем развития книжной культуры дворянства первой половины XVIII века является рост личных библиотек. Данные санкт-петербургской и московской академических книжных лавок говорят об активной реализации книжной продукции на российском рынке. В 1739 г. здесь продавалось 3611 изданий разных видов и жанров [21, с. 59]. Их покупателями являлись представители дворянской аристократии (Салтыковы, Воронцовы, Голицыны, Шереметевы, Гагарины), испытывавшие потребность в образовании и подбиравшие для своих библиотек редкие книги на русском и иностранных языках [21, с. 89]. «Из года в год пополняясь классическими сочинениями и последними литературными новинками, книжные собрания [высшего сословия] становились форпостами культуры среди местного населения» – отмечал И. Ф. Мартынов [11, с. 109].

К началу XIX века относится появление крупных частных библиотек на территории Черноземного региона. Оторванность края от центров образования и просвещения порождала культурные контрасты. С одной стороны, в рассматриваемое время создавалась собственная культурная инфраструктура (работали тамбовский и воронежский театры, курская гимназия), с другой – даже при создаваемых условиях уровень грамотности среди черноземных дворян был невысок. По свидетельству современников, основным занятием местных представителей высшего сословия было не чтение книг, а азартные игры. За весь 1791 год на имя Тамбовского наместничества было выписано книг общей стоимостью 250 руб. 65 коп, тогда как только за апрель 1809 года

местные помещики получили карт на сумму 14300 руб. [23, с. 4]. Повальная страсть провинциальных обывателей к карточным играм была отмечена М. Ю. Лермонтовым в «Тамбовской казначейше».

Важное значение для распространения книг в российской провинции имела деятельность Тамбовской типографии, основанная в 1788 году Г. Р. Державиным. Большое количество изданной продукции позволило открыть при учреждении книжную лавку, в которой можно было не только купить, но и получить книги для чтения за небольшую плату. В 1793 году был даже издан каталог книг типографии, доступных для приобретения [8, с. 105-107].

Наличие собственной издательской базы стимулировало развитие частных библиотек. В рассматриваемый период формировались книжные коллекции Боратынских, Сумароковых, Чичериных, Кривцовых и других известных черноземных дворянских родов [12, с. 277].

Значительный очаг книжной культуры возник в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Этот край был богат «замечательными по своим умственным интересам и дарованиям» помещиками [14, с. 433-435]. В небольшом имении возле с. Любичи проживал известный библиофил Н.И. Кривцов, в трех верстах от него, в с. Умете, располагалось поместье известных общественных деятелей Чичериных, далее в селении Мара находилось владение поэта М. А. Баратынского. «Между Любичами, Уметом и Марою был почти ежедневный обмен если не посещений, то записок и посыло», вспоминал Б. Н. Чичерин. «Стихи Баратынского», тут же становились известны в Маре, из Москвы Кривцовы извещали жителей Умета о новостях «в русской и иностранной литературе», направляли сюда «выходящие книги». «Романы Бальзака, лекции Гизо, сочинения Байрона и другие новинки» пересылались «из Умета в Любичи и из Любичей в Мару» [2].

Из всех трех владельцев наиболее внушительную книжную коллекцию имели Кривцовы. О составе их собрания можно судить по описи кирсановской публичной библиотеки, куда в последующем были переданы все книги семейства. Всего в описи значилось 872 тома на английском немецком. французском и русских языках. В библиотечную подборку входили как художественные произведения, так и произведения по естественным и общественным наукам [10, с. 3]. Культурные связи Н. И. Кривцовых с интеллектуальной элитой России обуславливали активный книжный трансферт: на его изданиях можно встретить экслибрисы с именами А. С.

Пушкина, А. А. Дельвига, К. И. Батюшкова и других знаменитых современников библиофила, подаривших ему свои произведения [9].

В конце XVIII в. начинает формироваться книжная коллекция генерал-адъютанта, шефа кавалергардского полка, фаворита Екатерины II А. Д. Ланского (имение Арапово Тамбовской губернии). На книгах его библиотеки был нанесен геральдический экслибрис с двумя ланями (животное дворянского рода Ланских) в качестве щитодержателей. Этот же зверь также изображался на поле и над венцом щита. Дополняли композицию герба стрела, пущенная вверх, рыбы (одна над другой) и каменная крепость с башней.

Процесс формирования книжной собрания Ланских – важный эпизод развития книжной культуры России. Созданием личного библиотечного коллекция занимался известный нидерландский комиссионер Иоганн Якоб Вейтбрехт (1744 -1803). В его задачу входил подбор и выписка редких книг из-за границы. За 1781-1782 гг. он передал владельцу свыше 2 тысяч томов (преимущественно на французском языке) [16, с. 157]. Здесь были множество художественных произведений, пособий по военному делу, общественно-политической литературы, а также книги по медицине, архитектуре, домостроительству, садоводству.

На сегодняшний день выявлено 18 экземпляров книг с экслибрисом Ланских на иностранных языках. Доподлинно неизвестно, кому из представителей семьи принадлежали эти издания. Наиболее вероятным хозяином коллекции считается П. П. Ланской, второй супруг Н. Н. Гончаровой, владелец имения в с. Арапово Тамбовского уезда [22, с. 5]. Судя по тому, что экслибрис Ланских далеко не редкость для коллекционеров, араповская библиотека была очень обширной. Наталия Николаевна и дети поэта бывали в этом поместье и пользовались этой библиотекой [9, с. 130]. Однако читательских помет Н. Н. Гончаровой обнаружить пока не удалось.

Множество книг имелись и у представителей духовного сословия. Огромной для своего времени букинистической подборкой обладал епископ Феофил. 6 мая 1788 года он был переведен на Тамбовскую и Шацкую епархию из Новгорода. По всей видимости, личная библиотека последовала за владельцем. О составе этого собрания стало известно после ее передачи духовной семинарии, выполненной согласно завещанию церковного деятеля. В ее основе значились не менее 100 книг церковного содержания на латинском и греческом языках. Широкая начитанность епископа обуславливала его

склонность к просветительским реформам. Он пытался ввести в епархии обязательное обучение детей духовенства. Для этого, согласно резолюции епископа Феофила, служащие консистории привозили своих недорослей в Тамбов, где для них были организованы специальные школы.

Значительной библиотекой обладал известный русский библиофил, поэт, тайный советник времен Николая I, владелец имений в Воронежской губернии Д. П. Бутурлин. Большая часть его коллекции состояла из книг на иностранных языках [3, с. 186]. «Этот вельможа не только собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку...» писал английский путешественник Кларк, посетивший дом Д. П. Бутурлина [15, с. 36].

Московское жительство Бутурлина определяло местоположение его первой библиотеки. Она располагалась в трех огромных комнатах родового дворца в Лефортово. Эта коллекция насчитывала более 40 тыс. томов. в числе прочих были издания европейских типографов 1470 года, книги конца XVI века [6, с. 171-172] Все приобретенные в Европе издания были переплетены домашними мастерами, наносившими родовой герб Бутурлиных на каждое произведение. [7, с. 427]. Чуть позже появился экслибрис Бутурлиных, стилизующий гербовое изображение рода с девизом на ленте «AMANTIBVSIVSTITIAM. PIETATEM FIDEM» (Любящим правду, благочестие и верность), и надписью внизу: «Le Comte D. Boutourlin» (графство Д. Бутурлина).

Обслуживал коллекцию книг специально нанятый служащий, знавший несколько европейских языков. Помощь библиотекаря была необходима еще из-за публичного характера коллекции. По воспоминаниям путешественника Кларка, книги владелец покупал «не только для тщеславия»: «хозяин сам пользуется ими и предоставляет их другим» [4]. С лефортовской литературой в разное время работали Н. М. Карамзин, Василий и Сергей Львович Пушкины, И. И. Дмитриев. Большая популярность бутурлинского собрания, а также его значительные объемы обусловили необходимость выпуска специального каталога. Его первое издание вышло на свет в 1794 г. в Петербурге, второй вышел в 1805 году в Париже. [15, с. 36].

Московский пожар 1812 года полностью уничтожил бутурлиновскую библиотеку. Помешать трагедии владелец не смог, так как сам был в

эвакуации под Воронежем. Узнав о гибели собрания, Д. П. Бутурлин перекрестился и сказал: «Бог дал, Бог и отнял; да будет святая Его воля». В последующем им была собрана новая библиотека, по объему (33 тыс. единиц хранения) и ценности не уступавшая первой. После смерти Дмитрия Павловича это коллекция 10 лет находилась в семье библиофила, после чего была распродано партиями в Париже за 327 тыс. руб. [5, с. 8]. Какая-то часть изданий в последующем была передана друзей и знакомых букиниста. В числе прочих книгополучателей была и жена Дмитрия Петровича – Анна Артемьевна Воронцова, проживавшая в имении Воронцовка Тамбовской губернии. Здесь переданные произведения находились вплоть до национализации поместья в 1918 году.

Одна из сохранившихся книг бутурлиновской библиотеки – издание А. Ферранда «Дух Истории или морально политические письма» (Париж, 1805). Владельческую принадлежность выдает экслибрис на форзаце и надпись на авантитуле «Анна Воронцова, графиня Бутурлина» на французском языке. Произведение хранится в отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, являясь свидетельством читательской культуры семейства Бутурлиных.

Достаточно монументальным книжным собранием обладали орловские помещики Цуриковы. По всей видимости, их огромная библиотека, включающая более 3600 томов, начала формироваться еще в XVIII веке. Она включала в себя книги на французском (42,5%), русском (32%) и немецком (11,1%) языках. Превалирование франкоязычной литературы в этот период было характерно для большинства дворянства и свидетельствовало об активном вовлечении высшего сословия в процесс «галломании». [17, с. 56]. С одной стороны, склонность к французскому языку негативно сказывалась на состоянии родной речи, так как на языке Мольера общались не только в светских салонах и встречах, но и во внутрисемейном кругу. С другой стороны, полиязычность обогащала книжную культуру русской аристократии, позволяя повысить разнообразие осваиваемой литературы. Нельзя забывать и важный политический аспект использования французского языка. В первой половине XIX века именно он считался основной формой межнационального общения, создавая, таким образом, необходимые возможности для трансферта в Россию западной общественно-политической и научной мысли.

Большая часть библиотеки Цуриковых состояла из агрономических изданий. В огромном количестве присутствовали профессиональные руководства в сфере полеводства, лесоводства и садоводства. Преимущественно это были французская периодика: «Газета земледельца» («Feuille de cultivateur», 1862), «Журнал сельской экономики» («Journal d'économie rurale», 1851), «Библиотека сельских собственников» («Bibliothèques des propriétaires ruraux», 1805). Собранная коллекция облегчала ведение обширного хозяйства семьи, состоявшего из шести 6 имений в Орловском уезде. [18, с. 96].

Общественно-политическая деятельность представителей рода Цуриковых не могла не сказаться на их личной библиотеке. Значительное место в семейной коллекции владельцев занимала историческая литература. Здесь можно было найти труды Т. Рейналя «История английского парламента» («Histoire du Parlement d'Angleterre», 1748 г.), жизнеописания Фенелона «Описания военных кампаний. 1644-1646 гг.» по истории Бельгии (Relations des campagnes de 1644-1646, Jean Antoine Vincart, 1869) [18, с. 96]. Наличие таких изданий показывает значительную эрудицию библиофила, стремившегося освоить полярные точки зрения в существующей общественно-политической историографии.

Важную значение в цуриковской библиотеке имели книги для семейного чтения. Владельцы увлекались драматургией Расина, баснями французского писателя де Лафонтена, сочинением «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Торквато Тассо, произведениями Эразма Роттердамского, историческими новеллами Ф. М. де Бакюлар д'Арно. Выбор авторов определялся книжными вкусами эпохи, диктовавшими литературную моду на конкретные произведения.

Важное место в информационной культуре Орловской губернии занимала книжная коллекция Сергея Михайловича Каменского – представителя старинного польского дворянского рода. Точный качественно-количественный состав его собрания неизвестен, однако воспоминания современников позволяют предположить о наличии у него значительной тематической подборки театральных изданий. Причем часть литературы выписывалась из-за границы, часть покупалась в орловской типографии Сыгиных [18, с. 97]. На значительный объем приобретенных произведений и их многоязычие указывает наличие в доме Каменских специально нанятого библиотекаря

(Сигизмунд Паратич, авестийский серб), отвечающего за подбор и выдачу нужных изданий как владельцу, так и его гостям. Собранные книги служили не только средством развлечения Сергея Михайловича, но и способствовали его театральным увлечениям. В сентябре 1785 года в г. Орле им был он открыт крепостной театр, послуживший началом театральной жизни всей Орловской губернии [1].

Другой крупной орловской библиотекой обладала семья Лутовиновых-Тургеневых. Основа их коллекции начала закладываться еще во второй половине XVIII века братьями Алексеем и Иваном Лутовиновыми. Книги этого периода легко отличить по кожаному темно-красному теснению переплета и золотым корешкам. Собранные владельцами подборка чрезвычайно разнообразна как по тематическому, так и по языковому содержанию. Ее основу составляют многочисленные сочинения европейских энциклопедистов вольнодумного содержания. Многие из них преследовались в конце царствования Екатерины II [17]. В это связи хочется отметить бесстрашие Лутовиновых перед монархической реакцией. В составе владельческих собраний можно найти «Персидские письма» Монтескье, «Размышления о множестве миров» Фонтенеля, «Путешествия Пифагора» классику Французской революции Марешаля, запрещенные российской цензурой в конце XIX века.

Особенно сильную страсть владельцы имения испытывали к произведениям Вольтера. В их собрании можно было встретить уникальный рукописный вариант «Кондида» с острой критикой русской монархии, наиболее полное французское издание сочинений просветителя (1775 г.), а также запрещенные вольтеровские издания из рахманиновской типографии в Тамбовской губернии. Кроме того, Лутовиновы могли похвастаться редкими книгами французского мыслителя, отпечатанными во Франции в 1825 г., парижским изданием его «Философского словаря» (1826 г.) Можно сказать, что произведения Вольтера были самыми читаемыми в семье Лутовиновых, что только подчеркивало их активную общественную позицию [18, с. 99].

Одновременно владельцы могли похвастаться произведениями самых выдающихся писателей XVIII века: Ломоносова, Державина, Сумарокова, Княжнина, Хераскова. Для своего века это были книжные бестселлеры, оставившие след в развитии русской культуры. Приобретаемая литература

расширяла кругозор и формировала активную книжную культуру семейства Лутовиновых.

В последующем книги Ивана и Алексея Литуновых унаследовала племянница Варвара Петровна Тургенева, мать будущего классика русской литературы Ивана Тургенева. Страстная читательница, она в течение всей своей жизни расширяла полученную библиотеку. Помогали ей в этом заграничные путешествия, заканчивающиеся, как правило, покупкой новых изданий. В числе прочих ей были интересны произведения географической тематики: в числе ее книг можно встретить 24-томный труд Деларпорта «Французский путешественник», «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару». Не могла Варвара Петровна обойтись и без театральных произведений, составлявших особую любовь помещицы. [15, с. 5]. В открытом ей крепостном театре ставили пьесы по Коцебу, комедии Мольера, драмы Реньяра и Лессинга.

Обширная родовая библиотека стало источником творческой силы для всех представителей семьи. Сильное влияние она производила и на Ивана Тургенева. Известно, что он не раз обращался к домашней книжной коллекции, всякий раз отмечая ее разнообразие. В одном из своих писем он указывал: «Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня была библиотека порядочная.... Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: «Кандида» в рукописном переводе 70 гт.; ведомости и журналы того же времени; «Торжествующего хамелеона» (т.е. Мирабо)... Попались мне и детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки». По свидетельству литературоведов, «Богатое книжное собрание Лутовиновых-Тургеневых открывало огромный мир перед будущим писателем» [20, с. 149].

Рассмотрение истории комплектования и состава ряда дореволюционных черноземных библиотек говорит о широте литературных интересов представителей черноземного дворянства. Высокий уровень образования владельцев позволял им иметь богатые подборки литературы на иностранных языках, расширявшие кругозор библиофилов. Главную роль здесь играли произведения французских просветителей, формировавшие вольнодумные взгляды помещиков, воспитывающие идеи свободы и равенства. Таким образом происходило сближение идейного поля аристократии всего Европы.

Литература

1. Афонин Л. (1965) Повесть об Орловском театре. Тула: Приокское книжное издательство. С. 42-43.
2. Баратынский Е. А. (1987). Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / под ред. С. Г. Бочарова. Москва: Правда, 1987. С. 377.
3. Богомолов С. И. (2010). Российский книжный знак. 1700-1918. Москва: Минувшее. 959 с.
4. Бочаров И.Н., Глушкова Ю.П. (1991). Итальянская Пушкиниана. Москва: Современник. 444 с.
5. Бунеева Е.Н., Перепелицын А.В. (2010). Состав недвижимого имущества графа Д. П. Бутурлина в начале XIX века // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. № 2(4). С. 6-8.
6. Горелкина О. В., Дмитриева Т. Ю. (2019). Владельческие книжные знаки Дмитрия Петровича Бутурлина как элементы книжной культуры // Румянцевские чтения – 2019: материалы международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019). Москва. С. 169-172.
7. Гребенюк Т.В. (2013). Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки: каталог. Москва: Пашков дом. 558 с.
8. Житин Р.М., Патрина Л.Н., Сабетова М.В. (2019). Книгоиздание на территории Тамбовского края в конце XVIII в. как фактор формирования книжной культуры дворянства // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. Липецк. С. 104-109.
9. Житин Р.М., Топильский А.Г. (2019). Личные библиотеки и специфика читательских интересов тамбовских дворян первой половины XIX в. // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. Липецк. С. 129-135.
10. Кирсановская библиотека-читальня им. Н.И. Кривцова. Каталог Кирсановской библиотеки-читальни имени Николая Ивановича Кривцова (1900). Тамбов. 172 с.
11. Книга в России до середины XIX века / Под ред. А.А. Сидорова и С.П. Луппова (1978). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 320 с.
12. Патрина Л.Н., Житин Р. М. (2019). Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века. Проблема

реконструкции и анализа книжного наследия // Румянцевские чтения – 2019: материалы международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019). Москва. С. 277-280.

13. Рейтблаг А.И. (2009). От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: Новое лит. обозрение. 447 с

14. Русский биографический словарь / изд. ред. А. А. Половцова (1903). Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов. Т. 9. 708 с.

15. Сачкова Г.С. (2011). Частные библиотеки в России: библиотека А. С. Норова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения: Научный журнал. Том 11(Выпуск 1). С. 34-39.

16. Сивинцева И.В. (2001). Книги фаворита Екатерины II А. Д. Ланского в Библиотеке Императорского Александровского лицея // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург. Вып. 4. С. 152-164.

17. Токмакова Т.Н. (2012). К вопросу об истоках формирования родовой библиотеки И. С. Тургенева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (22). С. 12-20.

18. Токмакова Т.Н. (2011). Книжные предпочтения провинциального дворянства во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на примере Орловской губернии)// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4 (42). С. 93-102.

19. Токмакова Т.Н. (2010). Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3-2 (37). С. 50-56.

20. Тургенев И.С. (1989). Полное собрание сочинений и писем. Москва: Наука. Т. 1: Сочинения: Т. 1: 1834-1949. 573 с.

21. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / отв. ред. С. П. Луппов (1986). Ленинград: Наука: Ленингр. отделение. 252 с.

22. Чернов А.С. (1977). Поиск старого тамбовского книжного знака // Клуб любителей книги. 27 мая. 10 с.

23. Чернов А.С. (1976). Возникновение книжного знака на Тамбовщине // Клуб любителей книги (7-е заседание). Тамбов. 4 с.

24. Чернов Н.М. (2003). Провинциальный Тургенев. Москва: ЗАО «Центр-полиграф». 425 с.

Круг чтения дворянства во второй половине XIX – начале XX века

Читательская аудитория начала 1860-х гг. не была велика. По подсчетам исследователей, в канун Великих реформ активно читали книги не более миллиона человек. При этом доля грамотных в сельской местности не превышала 5% от общего количества жителей. Даже для конца 1870-х годов этот показатель был равен 10 %. Такие низкие цифры объясняется тем, что основную массу образованной публики дореволюционной России составляли дворяне, купечество и духовенство [18, с. 19]. Вплоть до начала XX века большая часть крестьян была по-прежнему безграмотна.

Важно подчеркнуть, что уровень грамотности даже внутри одного и того же сословия мог существенно отличаться. Попытку дать общую стратификацию читателей до Революции в середине 1820-х гг. предпринял Н. Ф. Булгарин. В разработанной им классификации выделялись «знатные и богатые люди», которые активно пользовались литературой на иностранных языках, и «среднее состояние» (менее обеспеченные дворяне), предпочитавшее русскоязычные произведения. Таким образом, именно аристократия признавалась исследователем в качестве «мыслящей части общества» и «главного контингента читающей публики» [3, с. 581]. При этом, если основная масса грамотных могла осилить только книги на русском, то высокий уровень образования представителей высшего дворянства позволял им читать произведения на языке оригинала. Увлечение зарубежной книгой было настолько сильно, что даже во второй половине XIX века, когда на книжный рынок хлынуло множество отечественных изданий, «у многих [дворян] они лежали почти все время неразрезанными, сдавались переплетчикам и ставились в шкапы» [15].

Книжная культура дворянства Центрального Черноземья формируясь в зависимости от читательских веяний столичных салонов, профессиональных увлечений и личных склонностей отдельных представителей сословия. Несмотря на провинциальный уровень информационной среды региона во второй половине XIX века, местные помещики смогли собрать в своих имениях значительные книжные фонды на русском и иностранных языках, по своему тематическому разнообразию не уступавшие коллекциям известных библиофилов страны. Исследования Р. М. Житина [6] о тамбовских

букинистах, публикации Т. Н. Токмаковой [20] о книжных предпочтениях орловского дворянства, Т.Л. Кононовой о курских издателях [8], говорят о широте читательских интересов провинциального общества. Исследователи проанализировали репертуар ряда библиотек, обстоятельства приобретения издания, специфику использования печатной продукции. Тем не менее, комплексное и компаративное исследование книжных увлечений черноземных помещиков еще не закончено, что делает развитие этого направления важным и актуальным.

Книжность дворянского сословия второй половины XIX века продолжает находить свое воплощение в личных библиотеках. Однако в период великих реформ 1860-х гг. процесс формирования владельческих собраний приобретает более широкий характер. Это обусловило увеличением внутрироссийского рынка, широкими возможностями трансферта печатной продукции. В это период начинают работу магазины М. О. Вольф, К. Л. Риккер, Н. Г. Мартынова, предлагавшие значительный букинистический ассортимент. Появление железных дорог облегчало транспортировку литературы и поддерживало местных производителей [13, с. 98] В результате с 1855 по 1881 гг. объем выпуска новых изданий в провинции вырос в 15 раз, заняв рекордные 30% рынка. [13, с. 30-31]. Как писал О.Г. Ласунский, «Эпоха либеральной гласности вызвала особое оживление печати. Увеличились темпы роста издательской продукции. Помимо положенной на каждую губернию казенной типографии, предназначенной для печатания официальных ведомостей и бумаг, исходящих из губернского правления и других учреждений, возникают частные типографии, которые охотно берутся за исполнение книгоиздательских предложений» [12, с. 134-135].

В социальных и экономических реалиях пореформенного времени помещики приносили в провинцию новые увлечения и традиции, связанные с хозяйственной модернизацией имений, активной общественной деятельностью. Чрезвычайно распространенным в этот период стало создание тематических библиотек, отвечающим разносторонним дворянским интересам. Книжные коллекции, таким образом, становятся важным элементом продвижения идей высшего сословия, источником знаний для многих представителей дворянства.

Одним из центров дворянской книжной культуры Центрального Черноземья второй половины XIX века являлось имение Кариан семьи

Строгановых. Это поместье известно еще с конца XVIII века. Первоначальная хозяйка вотчины Софья Ивановна де Местр не была талантливым управленцем и сильно запустила свою экономию. Обремененное долгами и экономическими проблемами, она было передано в собственность ближайшего родственника, Сергея Владимировичу Строганова с условиям выплаты 6% годовых бывшим владельцам [11, с. 11].

Получивший новую имение, Сергей Владимирович Строганов выплатил все долговые обязательства, после чего (1859 г.) отдал его «в вечное и потомственное пользование» своему сыну Павлу Сергеевичу [11, с. 12]. При нём был отремонтирован двухэтажный барский дом, возведено каменное ограждение усадьбы, благоустроен пришедший в запустение парк. Сюда же была перевезена семейная библиотека. Она включала в себя энциклопедическую литературу по истории, изобразительному искусству, археологии, нумизматике на русском и иностранных языках. Информации о точном составе данной коллекции найти не удалось: при жизни владельцев каталогизация собрания не производилась, а революция и гражданская война уничтожили владельческие книги.

На данный момент из тамбовского поместья Строгановых известна только книга Петцхольдт А. «Статьи о глубинке России, прежде всего в отношении сельского хозяйства», изданной в Лейпциге в 1851 году». Ее отличает гербовый экслибрис-наклейка с надписью «Граф Сергей Строганов» и дарственной надписью на форзаце. Согласно инскрипту, книга была преподнесена Павлу Сергеевичу в 1876 году в Париже. Судьба остальной части библиотеки по-прежнему не известна.

Высокий уровень образования владельцев не мог не сказаться на состоянии местной культурной среды. В 1899 году при знаменской школе Строгановыми была открыта общественная читальня, на базе которой проводились регулярные народные чтения и выступления хоров. Позже культурно-образовательный комплекс был дополнен отдельной библиотекой, созданной по подписному листу священника Иоанна Предтеченского и полной поддержке помещика. [11, с. 12].

Среди утраченных библиотек Тамбовского края особое место принадлежит коллекции семьи Бенкендорфов. При Павле I они получил обширные земельные владения в с. Сосновка Тамбовской губернии. Первый владелец поместья генерал от инфантерии Христофор Иванович Бенкендорф был

человеком «честным и исполнительным, дальновидным и находчивым администратором» [22, с. 64]. Однако широкой работы по благоустройству имения он не проводил. Его пребывание в экономии было лишь предположительным. Зато его ближайший родственник – дипломат, посол России в Англии Александр Константинович Бенкендорф существенно улучшил поместье [7, с. 71]. В прекрасно устроенном усадьбе была создана библиотека на русском, французском и немецком языках, находилась коллекция художественных ценностей и ценный архив с документами XVII–XIX веков.

Часть имущества усадьбы рода Бенкендорфов была утрачена во время гражданской войны, часть – национализирована советской властью. 10 мая 1918 г. Сосновский волостной совет депутатов просил Комиссариат народного образования в г. Моршанске прислать «список вещей, хранящихся в доме гр. Бенкендорфа, предназначенных для пополнения Моршанского городского музея». В числе прочено в списке значилась «взломанная шкатулка, крытая коричневым коленкором..., с частной перепиской», «двадцать семь тетрадей с вырезками из русских и зарубежных изданий», «три книги, по-видимому, каталога библиотеки», «пять альбомов с карандашными рисунками» [4, с. 279]. Эмиссар Музейного отдела Наркомпроса В. В. Пашуканиса, который через год посетил владение констатировал: «часть вещей усадьбы Сосновка, бывшей Бенкендорфов, обладавшая большими историко-художественными ценностями, погибла. Осталась библиотека, где имеются редчайшие издания XV–XVI веков, дипломатические архивы XVIII–XIX веков, скульптурные бюсты, картины, портреты, рисунки, гравюры» [4, с. 279].

До недавнего времени судьба книжного наследия Бенкендорфов не была известна. Только в 2016 г. были выявлены 6 томов (1–3, 5–7) сочинения французского автора Жюль Мишле «История Франции» на французском языке с гербовым экслибрисом экслибрис на форзацах (шлем и щит с наметом и надписью под гербом: «Comte de Benckendorff»). Это произведение считается классиком французской историографии. Глубокая эрудиция, знание оригинальных документов и творческий гений автора не могли не заинтересовать владельцев имения, ценивших научную литературу. Другим изданием, обнаруженным при работе с фондом ТОУНБ, является книга «Божественная комедия» Данте Алигьери, изданная в 1870 г. в Париже. Книга напечатана в параллельной текстовой обработке на французском и

итальянском языке. На форзаце произведения также помещен экслибрис рода Бенкендорфов. Книги отличает хорошая сохранность, «крапчатые» обрезы, темно-зеленые полукожаные переплеты с золотым тиснением.

Значительной коллекцией книг располагал известный воронежский педагог, общественный деятель, владелец имений в Тамбовской губернии М.Ф. Де-Пуле. Его библиотека насчитывала более 3000 наименований по филологии, фольклористике, статистике, краеведению, юриспруденции, социологии и другим наукам [10, с. 139]. Это собрание – отражение научных интересов владельца и источник его творческой деятельности. Михаил Федорович редактировал Воронежскую беседу, издавался в Воронежских губернских ведомостях, а также занимался изучением биографии Н. А. Второва, А. В. Кольцова, И. С. Никитина и других деятелей провинциального дворянства. Одновременно Де-Пуле был инициатором появления в Воронеже первой публичной библиотеки, занимался вопросами ее комплектования и развития [16]. Последние годы жизни библиофил провел в Тамбове, занимаясь литературной деятельностью. В 1897 году богатая библиотека собирателя была передана Михайловскому кадетскому корпусу [16].

Видное место в книжной культуре Воронежской губернии занимал известный археограф, этнограф Н. И. Второв. Его библиотека начала формироваться еще в конце XVIII века и включала непередаваемые сочинения видных английских писателей (Шекспира, Байрона, В. Скотта, Диккенса), французских просветителей (Вольтера, Лафонтена, Бальзака, Ж. Санд), немецких классиков (Гете, Шиллера). Хронологически, собранные издания охватывают 1734-1865 годы. Наиболее старинным является издание «Описание о Японе», опубликованную при типографии Санкт-Петербургской академии наук в 1734 г. Это уникальное сочинение была подготовлено к печати известными переводчиками Степаном Михайловичем Коровиным и Иваном Семёновичем Горлицким. «Описание о Японе», не претендовало на роль учебного пособия по географии, однако многочисленные следы владельческого пользования, оставленные на книге, подчеркивают настольный статус произведения [23, с. 433].

Одновременно Н.И. Второв увлекался трудами русских литераторов и историков, читал издания по этнографии, лингвистике, фольклористике, юриспруденции. Среди прочих раритетов в его коллекции можно отметить «Повествователь древностей Российских...» Н.Н. Новикова (1776), «Всеобщая

древняя и новая история аббата Милота...» в тринадцати томах (1820), «Древняя Российская история...» М.В. Ломоносова (1766), «История государства Российского» Н.М. Карамзина (1833), «Новый и полный географический словарь Российского государства...» Л.М. Максимовича (1788). Наличие данных сочинений говорит о разносторонности интересов библиофила, тонком читательском вкусе и его образованности.

Значительной коллекцией книг обладал библиофил, библиограф и краевед Иосиф Михайлович. Пухальский. Состав его библиотеки, включавший нескольких тысяч томов, можно разделить на три раздела: словесность, библиография, краеведение. Здесь имелись прижизненные издания И. Крылова, В. Капниста, И. Богдановича, Е. Баратынского, И. Тургенева. Часть издания И.М. Пухальский унаследовал от своего отца Михаила Михайловича Пухальского – страстного книголюба, передавшего сыну интерес к искусству и чтению [5, с. 112].

Обладая глубокими энциклопедическими знаниями, И.М. Пухальский собирал памятники древней письменности и рукописи XV-XVIII вв., читал классиков европейской литературы на языке оригинала. После смерти Иосифа Михайловича его библиотека была распродана родственниками, часть дополнили фонды Пушкинского дома Академии наук в Петербурге, Государственного музея И.С. Тургенева и краеведческого музея в Орле. [5, с. 112]. Кроме того, еще 114 книг из библиотеки владельца находится в частной коллекции библиофила В. Е. Лаврушина.

Страстным книголюбом бы русский генерал, владелец имения в с. Лукьянчиково Орловской губернии А.П. Ермолов. В местной библиотеке насчитывается более 7 тысяч томов на русском и иностранных языках. Точный состав этой коллекции не известен, так как большая часть собрания находится на закрытом хранении в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Стоит лишь отметить, что среди сохранившихся книг присутствуют издания по мифологии, медицине, архитектура, садоводству, антиклерикальные сочинения писателей времен Французской революции, произведения по эстетике, искусству, обычаям древних народов, описания крупных мировых музеев и достопримечательностей, монографии по военному искусству [14].

Обладателем одной из самых крупных книжных коллекций Центрального Черноземья в конце XIX века был А.Д. Чертков. Унаследовав от родителей

небольшую библиотеку, он на протяжении десятилетий старательно пополнял ее новыми произведениями. В результате удалось собрать более 17 000 томов на всех европейских языках и славянских наречиях [17]. Сюда входили как исторические сочинения о России, так и общие археологические, литературоведческие труды. В 1838 году библиофилом была предпринята первая попытка каталогизации своего собрания. Подготовленный труд он назвал «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» [21]. В предисловии к изданию Александр Дмитриевич отмечал: «Собрать все, что когда-либо и на каком-либо языке писано о России, долго казалось нам предприятием неудобноисполнимым. Между тем, книги покупались, библиотека с каждым годом увеличивалась так, что мы, наконец, начали уверяться в возможности исполнения нашего плана» [21, с. 5]. Постоянное пополнение коллекции новых сочинений, а также недоучет старых обусловили выпуск второй тома «Каталога» (1845). В общей сложности оба издания объединили 8800 книг на церковно-славянском, русском, немецком, итальянском, французском, голландском, испанском языках. В 1863 году, после смерти владельца, личное собрание Черткова было открыто для общественного пользования в частном доме на улице Мясницкой в г. Москва.

Видным тамбовским букинистом, библиофилом, сумевшим собрать богатую личную библиотеку, был Алексей Николаевич Норцов. Он родился в имении Березовка-Сабуровка Кирсановского уезда 23 июля 1859 года [9, с. 4]. С раннего детства мальчик не выпускал из рук книги. Со временем чтение стало главным занятием в его жизни. Уже в девять лет все свои карманные деньги молодой Норцов тратил на приобретение литературы.

Энциклопедический характер знаний позволили Алексею Николаевичу определить характер своей будущей профессии. В 1900 году он возглавил Тамбовскую ученую архивную комиссию, одновременно продолжив собирать личную библиотеку. Владелец мог похвастаться четырьмя тысячами томов на русском, французском, латинском и немецком языках. Здесь имелись книги по истории, археологии, нумизматике, лингвистике, философии, религии. В 1904 году это собрание было внесено в «Адресную книгу русских библиофилов» [1, с. 269].

После революции норцовские книги были переданы в центральное книгохранилище г. Тамбова. На данный момент известно 100 экземпляров на

русском языке и более 100 томов на французском и немецком языках. Каждое из сохранившихся изданий отличает черный или темно-коричневый полукожаный владельческий переплет с суперэкслибрисом в нижней части корешка: инициалы «А. Н.», «А. N.» или оттиск «А. Нарцов». Отдельные произведения маркированы геральдическим экслибрисом владельца и надписью «Из библиотеки Алексея Николаевича Норцова».

Состав книжного собрания Алексей Николаевич Норцов разнообразен – так же, как и его интересы. Это этнографические книги Э. Гюмбера «Живописная Япония» (1870), генеалогический труд «Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых, с приложением герба и родословных таблиц» (1895), историческое произведение Н.М. Романова «Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I» (1902). Множество трудов были посвящены философии, религии и оккультизму. Отметим книгу «Histoire du Bouddha Sâkya (История Будды Сакья-Муни с рождения до смерти), изданное в Париже в 1874 году. Судя по многочисленным пометам в тексте данное изданием можно считать настольной в библиотеке владельца.

Библиографической редкостью, хранящейся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке, являются сочинения самого А. Н. Норцова: «Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства» (1904); «Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями (гербами, портретами, таблицами)» (1904). Последнее издание представляет особую ценность, так как является подносным, нумерованным экземпляром.

В 50-70-е гг. XIX в. благодаря общей доступности печатных изданий начинает складываться средний читательский слой. В его основе были мелкие дворяне, купцы, священники. Более стеснительные условия для приобретения книг заставляли их быть более разборчивыми в изданиях. По воспоминаниям С.Н. Терпигорева, если «в Москве и в Петербурге газеты и журналы не читают, а "пробегают"», то в российском селе «особенно осенью и зимою, их чуть не учат наизусть» [19, с. 209]. Эти сведения подтверждал и Ф.Н. Берг: «Мы, живущие в глухих лесных деревнях, читать что-нибудь, и вы, живущие в средоточии умственной и литературной деятельности, даже и представить едва ли вполне можете, что значит книжка, полученная здесь, и с какою жадностью она разрезывается и читается нами» [2, с. 121].

О небольших библиотеках владельцев черноземных поместий сохранились лишь упоминания. Таковы коллекции историка земства, журналиста, общественного деятеля И.П. Белоконского; общественного деятеля, краеведа Т.И. Вержбицкого, брата русского художника, основоположника исторической живописи, уроженца с. Белый Колодезь Щигровского уезда Курской губернии Вячеслава Григорьевича Шварца. Точные качественно-количественные характеристики их собраний установить не удалось, а сами букинистические коллекции известны лишь по отдельным экземплярам с владельческими штампами.

Таким образом, книжные вкусы дворянства Центрального Черноземья второй половины XIX века были очень разнообразны. На полках библиофилов могли находиться французские атеистические сочинения и религиозные тексты, книги хозяйственного значения и романы для легкого чтения. Провинциальное дворянство стремилось перенимать столичную книжную моду, однако конкретные условия создания библиотек и личные интересы помещиков создавали особую информационную среду, индивидуальную в каждом конкретном случае. Собранные издания были полезны в общественных занятиях помещиков, их производственной деятельности, формировали энциклопедический склад личности.

Литература

1. Абрамова Г. А. (2017). «Не ведом мне мой путь земной...»: штрихи к портрету А. Н. Норцова, председателя ТУАК // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы XVII Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию революц. событий 1917 г. и 80-летию Тамб. обл., Тамбов, 26 апр. 2017 г. Тамбов, с. 266–276.
2. Боев Н. (1868). Письмо из глуши // Русский. № 33. С. 120-122.
3. Булгарин Ф.В. (1900). О цензуре в России и книгопечатании вообще // Рус. старина. № 9. С. 580–582.
4. Гребенюк Т. В. (2010). Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки: каталог. Москва: Пашков дом, 502 с.
5. Деятели книжной культуры Орловского края: биобиблиографический указатель (2003) / Орловская областная публичная библиотека им. И. А. Бунина. Орел: Орлик. 157 с.

6. Житин Р.М. (2020). Усадьбные библиотеки Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 25. № 186. С. 183-192.
7. Канищев В. В. (2020). Бенкендорфы // Тамбовская энциклопедия / гл. ред. А. Ю. Ильин. Тамбов: Провинциальные усадьбы. 1116 с.
8. Кононова Т. Л. (2012). Особенности бытования провинциальных типографий в России во второй половине XIX - начале XX в. (по материалам Курской губернии) // Клио. № 4 (88). С. 33-36.
9. Краевед земли Тамбовской – Алексей Николаевич Норцов: библиографич. Пособие (2011). Тамбов. 18 с.
10. Кученкова В.А. (2001). Русские усадьбы. Тамбов. 143 с.
11. Кученкова В.А. (1999). Строгановы. Тамбов: Компьютер. центр. 37 с.
12. Ласунский О. Г. (1985). Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в эпоху Чернышевского). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 210 с.
13. Муратов М.В. (1931). Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли, 1800–1917 годы. М.; Л. 256 с.
14. НБ МГУ. Ф. № 7. А.П. Ермолов. Каталог книг. 3 ед. хр.
15. О средствах чтения в Москве и о московской лубочной литературе (1860) // Книжный вестн. № 3/6. С. 33.
16. Принципиальный душеприказчик. Режим доступа: <https://voronezhliter.ru/principialnyj-dusheprikazchik> (дата обращения 01.10.2022).
17. Разманова Н.А. Из истории книжной коллекции А. Д. Черткова. Режим доступа: <https://clck.ru/32p9JX> (дата обращения 01.10.2022).
18. Рейтблат А.И. (2009). От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: Новое литературное обозрение. 448 с.
19. Терпигорев С.Н. (1958). Оскудение. Москва: наука. Т. 1. 426 с.
20. Токмакова Т. Н. (2010). Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3-2 (37). С. 50-56.

21. Чертков А. Д. (1838). Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. Москва: Унив. тип. 631 с.

22. Щеглов Ю.М. (2001). Бенкендорф. Сиятельный жандарм. Москва: АСТ, Астрель. 224 с.

23. Юнусова Р.К. (2016). Книжная коллекция И.А. Второва – составная часть фонда Казанской городской публичной библиотеки // Библиотекосведение. Т. 65. № 4. С. 430-435.

КУЛЬТУРНЫЕ ЭФФЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДВОРЯНСКИХ БИБЛИОТЕК РОССИИ

Семейное чтение дворян в информационной культуре российской провинции второй половины XIX – начала XX века

Всеобщая модернизация Петра I вызвала не только технико-технологические изменения в экономике России, но и обусловила секуляризацию личности, формирование нового образа мышления в среде наиболее образованной части общества – российском дворянстве. Втянутые в неформальные поведенческие стратегии, дворяне активно усваивали ранее не известные для себя культурные нормы и стереотипы, знакомились с западной культурой практикой. Особый интерес у высшего сословия вызывали иностранные книги, быстро превратившиеся в важный элемент трансферта и рецепции зарубежных знаний и умений [7]. В результате к концу XVIII в. семейное чтение превращается в один из самых характерных компонентов дворянской поместной культуры и образа жизни.

Основа книжной культуры высшего сословия конца XVIII – конца XIX века бытовала в традициях семейного чтения. Этому способствовало ряд обстоятельств. Во-первых, достаточно высокий уровень грамотности помещиков для овладения читательскими компетенциями, во-вторых, размеренный образ поместной жизни, позволяющий рассматривать чтение как важную форму семейного досуга. Исторической подоплекой данных процессов стали «Манифест о даровании вольности российскому дворянству» (1762 г.) и «Жалованная грамота» Екатерины II 1785 г., фактически освободившие владельцев имений от обязательной службы и послужившего основанием развитие особого быта. Формирование культуры чтения, таким образом, шло в замкнутом пространстве российских усадеб и обуславливало новые форматы повседневности патриархальных семей.

О включенности абсолютно всех представителей высшего сословия в процессы семейного чтения оставлено достаточно большое количество воспоминаний. В этом отношении характерно описание провинциальной книжной культуры помещиков, оставленное мемуаристом И. Бестужевым-Лада. Раскрывая общепринятый формат семейного досуга, связанного с

книгой он писал: «... Вечер. Семья в сборе. ... Все сидят на своих любимых местах. Горит лишь одна лампа, под которой кто-то из членов семейства – чаще, понятно, глава семьи, но это совсем необязательно – читает вслух книгу. А все слушают и затем обсуждают услышанное» [5, с. 175]. Таким образом, читательские практики существенно отличались от индивидуальных форм работы с литературой. При этом важным условием семейных посиделок являлось наличие диалога всех членов семьи, благодаря которому происходило культурное взаимообогащение всех представителей рода.

Обращение к воспоминаниям разных представителей высшего сословия XIX века говорит о раннем приобщении большинства дворян к семейному чтению. При этом интеллектуальный уровень дворянских недорослей и их внимание к жанрам литературы, прежде всего, зависел от образованности и качества книжного вкуса русских дворянок, на которых возлагалась основная обязанность по воспитанию подрастающих чад. «Женский мир был неотделим от детского, и женщина-читательница породила ребенка-читателя», писал М. Ю. Лотман [4, с. 62].

К читательской культуре своих детей дворянки относились с особым вниманием, так как оно формировало интеллектуальный тип личности, приучало ребенка слушать и анализировать прочитанное. Ф. И. Буслаев, вспоминал, как «матушка любила слушать [его] чтение, сидя за рукоделием». «Большую часть поэтических произведений, отмечал он, читалось попеременно («то она, то – я»). Тщательно отбирая произведения для таких посиделок, мать Ф. И. Буслаева быстро стала его «главной воспитательницей и наставницей в литературе» [2, с. 34] При этом знакомство с книгой часто объединялось с музыкой и пением. У моей «родительницы был хороший голос и музыкальный слух, и она любила за рукодельем сопровождать работу пением» [2, с. 372].

Чтение своему ребенку, как распространенное социокультурное явление, содержало важный педагогический аспект, связанный с воспитанием собственных детей на известных художественных образах. С другой стороны, оно отражало пафос эпохи просвещения, определяемый эмансипацией прекрасного пола, повышения уровня их образования. Именно с понятием книжности в конце XVIII – начале XIX века ассоциировался новый образ дворянки – просвещенного и эрудированного члена общества. Недаром часть женщин ревностно относилась к руководству чтением в семье, не доверяя его

гувернанткам. «Домашние библиотеки женщин конца XVIII – начала XIX века сформировали облик людей 1812 года и декабристской эпохи, домашнее чтение матерей и детей 1820-х годов взрастило деятелей русской культуры середины и второй половины XIX века – справедливо замечал Лотман [4, с. 50].

Многодетность дворянских женщин и сильная загруженность вопросами воспитания обуславливали приглашение приемные учителей. Это был особый класс наемных работников, отвечавших за образование недорослей. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля, М. А. Дмитриева и многих других дворянских подтверждают высокие профессиональные качества и доброту приглашенных учителей. Они «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством» [6, с.42]. Высокие оценки работы педагогов были обусловлены тщательностью отбора кандидатов, требования к которому были закреплены и на государственном уровне. В указе 1757 года определенно говорилось: «Повелено учителей из иностранцев без свидетельства и аттестатов о знаниях никому в домах своих не держать под опасением неукоснительного штрафа за каждого по 100 руб., а тех учителей, кои без аттестатов школ имеют, будут высланы за границу».

Фактов широкого применения положений данного закона во второй половине XVIII века найти не удалось, тем не менее, даже просвещенные и обеспеченные дворяне не были застрахованы от некачественных специалистов. Единичные примеры нерадивых гувернантов, бросающих тень на дворянских учителей, тут же делались объектами шуток. Достаточно вспомнить Вральмана из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», навсегда закрепивших за российскими гувернантами образ глупого, хитрого приспособленца.

Основным требованием к читаемой литературе являлось воспитание чувства патриотизма и гражданственности, формирование культурной идентичности; разностороннее гуманитарное образование. Литература в обязательном порядке должна была обобщать светские этические и этикетные нормы. При этом особое внимание уделялось как отечественной, так и зарубежной классике, проверенной временем. Так, вспоминая о своих книжных пристрастиях, В. И. Буслаев отмечал разнообразие художественной литературы – как по жанрам, так и авторам произведений. «Кроме его баллад, вспоминал он, были популярны «Двенадцать спящих дев», «Певца во стане

русских воинов», «Сельское кладбище» Грея. Одновременно в числе любимых сочинений он называл «Умирающем Тассе» Батюшкова, «Чернеце» и «Княгине Наталье Долгорукой» Козлова.

Свободное владение иностранными языками позволяло осваивать зарубежную литературу. Так, знание французского языка позволяло им в оригинале читать «Сиду» П. Корнеля и «Андромаху» Ж. Расина, «Гартюфа» Мольера, «Генриаду» Вольтера. Изучение английского открывало возможности чтения «Макбета» и «Гамлета» на языке У. Шекспира. Немецкоговорящие дети могли познакомиться с популярными в первой половине XIX века Гете и Шиллером. В ряде семей читали латинские издания Плутарха, Тацита, Тита Ливия, Горация и других античных писателей.

Знакомство с разнообразной по жанровому и языковому содержанию литературой формировало профессиональные увлечения подрастающего поколения. Шарль Массон находил в образовании, обусловленном семейным чтением множество положительных свойств. «Законченное домашнее воспитание, по его мнению, давало молодым людям широкие и систематические познания. К тому же русские всегда «умели блеснуть этими познаниями». Понимая все это, дворяне стремились повышать свой образовательный уровень при всяком удобном случае. Так, Н. П. Грот вспоминала, о высоком образовательном уровне своей матери, позволявший ей свободно перелодить с французский, немецкий и английский садовые книги и применять полученные знания на практике. Другой мемуарист, пензенский дворянин П. И. Юматов вспоминал о первом опыте знакомства с Плутархом для юношества, переведенного для русского читателя в 1809 году. Эта книга так понравилась автору, что он получил «охоту ознакомиться с историей», «распределением государств в Европе», и как результат – последующее систематическое увлечение географией.

Особенно сильно читательский досуг в дворянской семье расширял выход специальной детской литературы, известной еще с конца XVIII века. Достаточно популярны в данный период были «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова, «Детская библиотека», Г. Гампе, «представляющего замечательную для того времени попытку дать детям осмысленное и полезное чтение». Здесь печатались короткие рассказы о жизни современников, юношеские басни, повести, сказки. Позднее начало выпускаться «Зеркало добродетели и благонравия для детей», в котором печатались богато

иллюстрированные детские рассказы и повести. Подростков привлекало красочное издание, даже если смысл произведения был не совсем ясен. Я всякий день читал свою единственную книжку «Зеркало добродетели» моей маленькой сестрице, никак не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кроме удовольствия смотреть картинки – вспоминал С. Аксаков. Тем не менее, чтение подобных журналов воспроизводило особую культуру семейных посиделок и межличностного общения, где главную роль отводилась печатному слову и книге.

Общая религиозность дворянского сословия накладывала свой отпечаток на круг семейного чтения. Ребенка с рождения знакомили с христианскими этическими нормами и традициями. Чтение религиозно литературы было связано с посещением церкви и ежедневной молитвой. М.А. Дмитриев вспоминал, как, «затворивши двери в комнату», мать «молилась, читая по книжке утренние молитвы». Его она ставила «возле себя», при чем он «не скучал этим, вникая в слова молитв, и с благоговением разделял с нею ее возношение души к Богу» [1, с. 227]. Так, среди книг, объединявших тарханскую библиотеку, следует назвать «Путешествие ко Святым местам» А.Н. Муравьева, «Молитвослов», «Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых», «Книга хвалений, или Псалтирь российская».

О раннем знакомстве с религиозной литературой вспоминал и генерал С. А. Тучков, вспоминал: "На третьем году возраста начали уже меня учить читать по старинному букварю и катехизису, без всяких правил. При этом он отмечал, что подобные занятия уже тогда прочно вошли в повсеместную практику. В то время большая часть среднего дворянства таким образом начинала воспитываться».

На качество подготовки дворянина решающую роль играло разнообразие репертуара личной библиотеки. Эпоха просвещения делала книжное коллекционирование важной частью дворянской культуры. необходимой принадлежностью каждого богатого дома. Монументальным собранием обладали орловские дворяне Цуриковы. Их коллекция начала формироваться еще во времена Елизаветы Петровны. К началу XIX столетия собрание объединяло 3689 томов на французском (более 1500 изданий), русском (более 1100 изданий) и немецком (более 400 изданий) языках. Превалирование франкоязычной литературы отражало активное вовлечение орловского

владельцев в процесс «галломании». Владельцы любили чтение классиков французских драматургии Ж.-Б. Расин, Ж.-Б. Мольер, Н. Буало, П. Корнель, поэтов Шарля-Огюста де Лафара, Жанти Бернара, просветителей Вольтера, Дени Дидро и др. При этом достаточно много франкоязычных изданий относились к периодическим изданиям (462 тома).

Энциклопедический состав книжной коллекции характерен для библиотеки Лутовиновых-Тургеневых в с. Спасское-Лутовиново. Основа их коллекции – светские книги французских просветителей XVIII в. «вольнодумного содержания». Владельцы могли похвастаться полной коллекцией изданий Руссо, включающей 10 томов, напечатанных в Париже в 1775 году, посмертное издание сочинений просветителя, подготовленное в Женеве в 1785 г., многотомным трактатом «Эмиль или о воспитании» (Женева, 1785), рядом других произведений. Мемориальную ценность представляло также «Полное собрание сочинений Вольтера», изданное и переведенное на базе казинской типографии И. Г. Рахманинова в Тамбовской губернии. Эти книги уцелели после пожара учреждения 1787 года, были запрещены и конфискованы по распоряжению Екатерины II, однако часть тиража все-таки попала к Лутовиновым-Тургеневым.

Большую роль в комплектовании личных собраний Спасово-Лутовиновской библиотеки сыграла мать И. С. Тургеневым Варвара Петровна Лутовинова-Тургенева. «Я читаю, как поедает раки, книг много, да глаз нет» – писала она в семейной переписке. Туристические посещения Европы и Америки, Индии, Китая, Турции позволяли ей закупать значительный объем зарубежной литературы. Среди приобретенных ей изданий можно отметить многотомник «Французский путешественник» Делапорта, «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару». Внимание к книгам разного содержания характеризуют широту читательских интересов владельцев библиотек, показывают источники интеллектуального развития знаменитой дворянской семьи.

Формирование помещичьих библиотек не всегда поступательно. Из-за низкого развития книготорговли в стране дворяне испытывали значительные трудности с покупкой новых изданий. Еще в 1773 году издатель Н. И. Новиков сетовал о сложности с приобретением и «употреблением на пользу» «живших в отдаленных провинциях» букинистов. Продающаяся в Петербурге

книга по рублю доходит туда в три рубля, а иногда и больше; через сие охотники покупать книги уменьшаются, замечал он [3, с. 115].

О сложностях комплектования личной библиотеки вспоминал и И.А. Салов. По его наблюдениям, «книги были тогда редкостью; они были наперечёт». Отсутствие книжных лавок заставляло владельцев «доставать желаемые книги». При этом люди дорожили книгами как «диковинкою» и перед тем, как «воротить их назад, непременно делали несколько выписок, а иногда и переписывали целую повесть или поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях, из которых они составляли в своих тетрадках целые сборники». Эта литературная забава, по мнению автора, заставляла многих дворян иметь рукописную библиотечку и развивать охоту к сочинительству.

Поскольку семейное чтение в дворянской семье было одной из форм контроля за подрастающим поколением, жанры читаемой литературы жестко контролировались родителями. Изучение личных воспоминаний помещиков говорит о существовании особой внутрисемейной цензуры, относящейся к широкому кругу художественной литературы, доступной только взрослым и подготовленным читателям. Так, пензенская дворянка А. Е. Лабзина вспоминала о четком предостережении со стороны родителей: «Ежели тебе будут предлагать книги какие-нибудь для прочтения, то не читай, пока не просмотрит твоя». Только после благословения она могла брать в руки интересное ее произведение, и то с наставлениями: «скуку твою проводи не рассеянием, но трудами и чтением полезных книг».

Нежелательными для семейного чтения были также произведения по астрологии, эзотерики, магии. Коллекция таких книг имела в старокутлявском имении рода Долгоруких (Пензенская губерния). знакомство таких книг для детей семейства было недопустимо, однако, как и все запретное, недоступные книги вызывали жгучий интерес. Для Е. П. Блаватской, прочитавшей их в 15 лет, данный опыт был болезнен. В последующем она вспоминала, что вся чертовщина средних веков нашла себе прибежище в моей голове, и скоро уже ни Парацельс, ни К. Агриппа ничему уже не могли ее научить». Однако подобный опыт был скорее исключением из правил вследствие значительного контроля со стороны родителей за воспитанием дворянских недорослей.

Таким образом, исследование информационной культуры взрослого дворянства позволило установить основополагающее значение семейного

чтения для формирования интересов, творческих способностей, нравственных качеств высшего сословия. Ежедневное обращение к книгам формировало ненавязчивое восприятие книжной культуры, определяло интерес к печатному слову. Формирующим оказывалось освоение разных по языковой принадлежности и жанрам произведений, развивавшимся кругозор и эрудицию членов семьи. Через активное освоение книжного наследия проходила ранняя социализация дворянских недорослей, формировался интерес к отдельным темам и направлениям в литературе. При этом образ читающих родителей становились образцом для подражания и формировал необходимые условия для воспроизводства читательских традиций в дальнейшем.

Литература

1. Барашев М.А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. // Вопросы образования. 2010. Вып. 1. С. 225-236.
2. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. Москва, 1897. 387 с.
3. Книга в России до середины XIX века / ред. А.А. Сидоров, С.П. Луппов. Л., 1978. 321 с.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, 2014. 412 с
5. Лякишева С. В. Усадебные библиотеки и домашнее чтение дворян как образец книжной культуры России XIX века : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 05.25.03. Москва, 2009. 22 с.
6. Массон Ш. Секретные записки о России. Москва, 1996. 208 с.
7. Соловьев А. А. Интеллигенты из крестьян Иван Голышев и Иван Сыгин: книгоиздательская и просветительская деятельность // Интеллигенция и мир.2020. № 4. С. 26-37.

**Книжная культура и особенности трансферта
европейских идей на русскую «почву» (на материалах
садоводческих практик А. Т. Болотова)**

Классическая историография изучает состояние провинциальной культуры дореволюционной России через анализ истории отдельных социальных групп и публичных организаций. Это важная, совершенно необходимая, но не единственная линия исследований информационной среды. Для успешной верификации проблем развития регионов надо учитывать факторы, которые носили скрытый, глубинный характер. К важнейшим из них можно отнести практики сохранения и воспроизводства читательских традиций, обеспечивающих формирование новаторских подходов и практик. Как известно, широкое распространение в России идей Просвещения и нового политического мышления было обусловлено проникновением в страну новых европейских концепций [9]. Западная литература играла важную роль в проводимой модернизации, оказывалась своего рода посредником и транслятором инновационных положений, знаний, практических навыков [6]. Одновременно книжная грамотность и осведомленность выступала инструментом реформирования, являлась источником рецепции замыслов европейских просветителей. Локальные данные об этих процессах весьма ограничены. В связи с этим огромное значение для исследования российской модернизации приобретает анализ читательской культуры и библиотечных собраний дворянского сословия – интеллектуальной элиты дореволюционного общества. Включение данного пласта документов важно для осмысления «идейного наполнения» русской культуры эпохи Просвещения и роли Запада в этих процессах.

Особую роль иностранная литература играла в социально-экономической жизни Центрально-Черноземного региона. Несмотря на провинциальность и невысокий уровень книжной культуры на территории края, в конце XVIII – начале XX века местные ценители печатной книги – владельцы усадебных библиотек – сумели собрать в своих имениях богатые коллекции зарубежной литературы [4]. Этому способствовали два важнейших фактора. Первый – аграрное Черноземье выступало одной из важнейших площадок рационализации крупного землевладения, требовавшего накопления специальных знаний, умений, навыков в области сельскохозяйственной

новатики. Второй – большое влияние на культурную динамику края оказывали выдающиеся деятели, создававшие условия для форсированного развития просвещения и образования в регионе. Переплетение двух факторов (объективного и личностного) и привело к формированию в регионе уникального социокультурной среды, характеризующейся высоким уровнем развития частных библиотек, значительным распространением книг.

Сложившиеся условия, в свою очередь обеспечивая трансферт просветительских идей и практик в разные сферы экономической и культурной деятельности черноземных помещиков, создавали условия для дальнейшего социально-экономического развития провинции. Изучение данных процессов еще не стало трендом российской историографии, тем не менее, анализ читательских традиций провинциального дворянства и репертуара созданных ими библиотек позволяет выявить источники социокультурной трансформации отдельных групп высшего сословия, лучше понять факторы модернизации помещичьих владений.

На внимание к проблеме личных библиотек дворянства в значительной мере влияет недостаток источниковой базы [5]. О мире книжности помещиков сохранилось мало сведений: не все владельческие коллекции уцелели после революции и гражданской войны, их каталогизирование происходило в единичных случаях, проблемы чтения и репертуара собраний относительно редко затрагивались в повседневной переписке или мемуарном наследии помещиков [10].

В этой связи анализ сохранившихся воспоминаний видных представителей дворянства позволяет на микроуровне проследить особенности формирования их библиотечных подборок, специфику практического освоения книжных знаний. Литературные наброски и мемуарные произведения дворянина А.Т. Болотова, дают прекрасную возможность для исследования читательской культуры высшего сословия на микроуровне, позволяют изучить роль книги в их повседневной хозяйственной деятельности.³⁶

А. Т Болотов вошел в историю русской культуры как человек энциклопедического склада ума и инновационного мышления. В каждой из многочисленных сфер своей деятельности он формировал инновационную

36 Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 1, ч. 1-7. 1871. 1017 стб.; Т. 2, ч. 8-14. 1120 стб.; Т. 3, ч. 15-21. 1244 стб.; Т. 4, ч. 22-29. 1330 стб.

среду. Андрей Тимофеевич был автором философских трудов, профессионально изучал проблемы сельскохозяйственных наук, интересовался лесоводством и занимался этическими и педагогическими вопросами. В его творческом наследии более 350 томов исследовательских сочинений, в которых обосновывались уникальные решения в сфере аграрного производства, полеводства, садового искусства, и сейчас не потерявшие свою актуальность.³⁷ Являясь одним из самых образованных людей своего времени, он не забывал о популяризации знаний. При его участии были подготовлены и стали выходить первые русские сельскохозяйственные журналы: «Сельский житель» (1778-1779) и «Экономический магазин» (1780-1789) [2].

Значительное место в творчестве А. Т. Болотова занимает мемуарное наследие. Алексей Тимофеевич был автором многотомных автобиографических «Записок», надписанием которых он работал тридцати лет (с 1789 по 1816 года). Созданный им труд дает исчерпывающее представление о состоянии сельского хозяйства конца XVIII века, быте дворянского сословия, столичной и провинциальной жизни, уточняет биографию и мотивы деятельности самого автора.

А. Т. Болотов родился 18 октября 1738 г. в семье мелкопоместного дворянина Тимофея Петровича Болотова. Свое детство и юность он провел в родовом селе Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии. Здесь он получил домашнее образование, причем арифметику, историю и географию, немецкий и французский языки ему преподавал отец. Не пренебрегал будущий агроном и самообразованием. Со временем изучение книг становится главным занятием Андрей Тимофеевича. Особенно запомнились ему «Похождения Телемака», позволившие получить объемные сведения «о мифологии, о древних войнах и обыкновениях, о Троянской войне». По воспоминаниям самого А. Т. Болотова, эта книга стал «первым камнем, положенным в фундаменте будущей учености».³⁸

В 12 лет отдали А. Т. Болотова в Петербургский частный пансион. Однако здесь он проучился всего несколько месяцев и, вернувшись в деревню, решил поступил на военную службу (1757 г.) Начавшуюся Семилетнюю войну

37 Глаголева О. Е. А. Т. Болотов - учёный, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 3-16.

38 Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 1, ч. 1-7. 1871. Стб. 227.

Андрей Тимофеевич встретил в Кенигсберге, где служил в качестве переводчика официальных бумаг в канцелярии генерала Н. А. Корфа. Одновременно он продолжает самообразование, знакомится с местной профессурой, много читает. Указ о «О вольности дворянской» мемуарист встретил с особым воодушевлением. В 1762 г. А. Т. Болотов подал в отставку и поселился в своем имении.

Как продукт свой эпохи, А. Т. Болотов был приверженцем гуманистических взглядов и позиций. В основе его мировоззрения лежали идеи Иоганна Георга Зульцера (1720-1779), немецкого философа, с творчеством которого он познакомился еще в Кенигсберге.

Главным в воззрения А. Т. Болотова стало понятие «чувство» (Empfindsamkeit), рассматриваемое им в качестве особой (духовной) способности к миропониманию. При этом испытываемые субъектом ощущения или внутренние состояния вызывались вовсе не внешними (материальными) раздражителями, а внутренним «душевым» миром человека, становящегося в итоге способным отличать добро от зла, нравственность от аморальности. Таким образом, именно душа индивида придавала устойчивую форму ощущениям и формировала склад мировоззрения. Эту мысль ученый неоднократно развивал в своем творчестве. По мнению Андрея Тимофеевича, особо сильно воздействовали на внутренний («чувственный») мир человека три вещи: чтение литературы, хорошая беседа и созерцание природы. Осмысление этих занятий побудило А. Т. Болотова к увлечению садово-парковым искусством, являющимся приложением всех чувственных устремлений человека³⁹.

Важность садово-паркового искусства была подмечена А. Т. Болотовым еще в Пруссии. Описывая свое времяпрепровождение в Кенигсберге, он не раз отмечал «особливое удовольствие», от «садов и гульбищ», в которых можно было пить «чай или кофей и препровождать все остальное время в играх в кегли и фортуны». Особенно автору нравилось «тихое, кроткое и безмятежное обхождение» посетителей садовых зон и «вежливость, оказываемая всеми»⁴⁰.

³⁹ Александра Веселова. Пространство пейзажного парка в трудах А.Т. Болотова. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=217> (дата просмотра 02.11.2022).

⁴⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 1, ч. 1-7. 1871. Стб. 859-861.

Эстетика живой природы и формы ее благоустройства не только оказывали существенное воздействие на впечатлительную натуру, но формировала тягу к творчеству. А. Т. Болотов неоднократно вспоминал, как «выносил с собою туда столик» и «любуясь красотою места, упражнялся либо в чтении какой-нибудь приятной и полезной книжки, либо в писании чего-нибудь себе в науку и в наставление»⁴¹. Пребывание в Кенигсберге, таким образом, открывало для автора источник вдохновенья. В городе Канта он начинает записывать свои практические наблюдения, интересоваться различными этическими и педагогическими вопросами, слушает лекции в местной библиотеке. Важной частью деятельности становится чтение произведений передовых европейских просветителей и закупки новой сельскохозяйственной литературы.

В Кенигсберге А. Т. Болотов приходит к идее по изменению садово-парковой зоны в своем родом имении. Задумав «расширить один из дворянских садов», он нарисовал «порядочный план, раскрасил его красками, сделал подробнейшее наставление [служащим имения], где и что садить, и где какие деревья и кустарники располагать»⁴². Хотя предпринятая работа и была первый опытом Андрея Тимофеевича в парковом искусстве, тем не менее, все деревья были посажены «довольно порядочно», а сама зеленая зона в последующем стала «основанием для большого сада» в поместье⁴³.

После ухода с военной службы и переезда в родовое имение А.Т. Болотов не оставляет увлечение садоводством. Прямо в пути из Кенигсберга он «многажды помышлял о том, как бы поправить сад и привести его в такое состояние, чтоб можно было с удовольствием проводить время в сельском уединении». Для ответа на данный вопрос Андрей Тимофеевич «запасся несколькими иностранными, до садоводства относящимися, книгами», из которых он «вознамеривался учиться садоводческому искусству».⁴⁴

Однако первый опыт оказался неудачным. Виной всему стало излишнее внимание к зарубежной литературе. «Писанные не на наш климат и по не

⁴¹ Там же. Стб. 889.

⁴² Там же. Стб. 975.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 2, ч. 8-14. Стб. 314-315.

нашим обстоятельствам» эти книги вводились «в лабиринты погрешностей и ошибок».⁴⁵

Однако неудачи не сломили начинающего садовода. Более глубокое осмыслении собственной деятельности обуславливали более серьезное отношение к делу. А. Т. Болотов начинает изучать вопросы привития и посадки растений, выстраивает приоритеты хозяйственной деятельности. При этом помогало ему «прилежное чтение иностранных и всех экономических книг, какие только попадались в руки», а также выделение в прочитанном сельскохозяйственной инноватики, практическое «упражнение в разных частях сельского домоводства»⁴⁶.

В части теории А. Т. Болотов обратил внимание на первоначально второстепенное для него «ботанизировании» (авторский термин) С наступления весны он «отыскивал везде в садах, полях, лесах, лугах и в самых усадьбах все новые и мне еще неизвестные травы, и при помощи своей ботанической книги» приступал к их изучению⁴⁷. В результате автор «познакомился в оный почти со всеми в наших местах самородно растущими травами»⁴⁸. Вторым аспектом стало изучение методик привития растений для получения качественного садового материала. Выполнении этой задачи не было простым делом. Ботанические улучшения в конце XVIII века еще не вошло в хозяйственную практику русских помещиков [7, с. 226-229]. По наблюдениям современников в Туле, как и в других местах России отсутствовала великая торговли улучшенными произведениями» так что этому искусству «пришлось учиться из книг, а не от других людей»⁴⁹.

Результатом работы А. Т. Болотова стала подготовка первого в России труда по помологии «Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в Дворяниновских, а отчасти и в других садах» (1797–1800. 7 томов), в котором он описал более 600 сортов яблочных насаждений и способов их прививки. Одновременно им было подготовлено практическое руководство по морфологии лекарственных растений, основанное на собственном опыте «ботанизования» [1].

⁴⁵ Там же. Стб. 343.

⁴⁶ Там же. Стб. 558.

⁴⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 3, ч. 15-21. Стб. 513.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Огромный объем прочитанной литературы и первые садоводческие успехи вызвали потребность поделиться опытом. В 1765 году было основано Вольное экономическое общество (ВЭО), главной целью которого стал поиск новых форм ведения сельского хозяйства, повышения уровня агрономических знаний населения [8, с. 104-105]. Для выявления потребностей отечественного аграрного сектора общество подготовило специальные анкеты для помещиков. Заинтересованные в передаче опыта и новых знаний А. Т. Болотов завязал переписку с членами организации. В итоге им было подготовлено 28 статей, опубликованных затем в Трудах ВЭО.

Видя узость читательской аудитории Трудов Вольного экономического общества, А. Т. Болотов принял решение издавать собственный сельскохозяйственный журнал. Первые выпуски этого издания выходили под названием его «Сельский житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание». В 1780 году журнал стал приложением к газете «Московские ведомости» под названием «Экономический магазин». За 10 лет (1780–1789) были выпущено более 40 томов изданий, ставших своеобразной энциклопедией сельского хозяйства дореволюционной России.

В своих статьях А. Т. Болотов подробно описывал способы отбора качественных семян, методики обработки почвы, обращал внимание на сроки посадки растений, особенности их прививки, обосновывал необходимость борьбы с сорняками и вредителями [3, с. 18]. Собранный Андреем Тимофеевичем материал расширил фактическое наследие русской агротехники, продемонстрировал важность правильной постановки хозяйства в имениях.

Познания А. Т. Болотова в сельском хозяйстве оценила сама Екатерина II. В 1774 г. она поручает ему управление дворцовым имуществом в Богородицкой и Бобриковской волостях (Тульская губерния). Новая пост требовал переезда в г. Богородицк, откуда Андрей Тимофеевич должен был вести наблюдение за царской собственностью. Не довольствуясь точным исполнением своих обязанностей, А. Т. Болотов рационализировал хозяйство поместий, преобразил императорский дворец и местную церковь. Одновременно он продолжил свои садоводческие эксперименты. Именно

здесь им был создан Богородицкий сад – один из прекраснейших пейзажных парков России⁵⁰.

Закладка нового парка означала изменение и взгляда на окружающий мир. Переход от регулярного стиля, основанного на прямых линиях и гармонии пропорций, к естественному пейзажу обозначал смену зримой парадигмы пространства. А. Т. Болотов восхищался родными пейзажами и стремился использовать сильные стороны естественного убранства природы. Считая, что «русские сады природою и искусственными украшениями не уступают ни английским, ни французским, ни итальянским», он искал возможность создания национального типа парка, который бы «способствовал всем местным «обстоятельствам», реальным, а не выдуманым потребностям»⁵¹. В замечаниях по паркостроению Андрей Тимофеевич призывал быть «осторожными и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы, колико можно, сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера» [11, с. 145].

Чтение тематических книг и их рецепция стали главной причиной перемен в болотовском восприятии садового искусства. Описывая свое времяпрепровождение в Богородицком, он неоднократно упоминал «изучение новокупленных книг» как главную форму осмысления паркового строительства⁵². «Особою очаровали» его монографии г. Гиршфельда, видного немецкого теоретика садоводства эпохи Просвещения. Ученый предлагал считать сады «публичными монументами наций», выразителями характера отдельных народов. Взгляды немецкого специалиста перевернули воззрения А. Т. Болотова, заставили его пересмотреть свое отношение к регулярным насаждениям. «И как до сего времени я любил сады регулярные, писал он в своих воспоминаниях так, напротив того, в сие время их совсем разлюбил и получил вкус в садах новых, названных садами иррегулярными, натуральными»⁵³.

⁵⁰ Глаголева О. Е. А. Т. Болотов - учёный, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 5.

⁵¹ Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сельские виды / пер. А. Воейкова. СПб.: В Медицинской типографии, 1816. С. 163.

⁵² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 –1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1871-1873. Т. 3, ч. 15-21. Стб. 1117.

⁵³ Там же. Стб. 1117.

Обосновывая идею национальных парков, А. Т. Болотов показывал преимущества использования отечественных сортов деревьев, кустарников, трав, наиболее адаптированных для формирования благоустроенного пространства. Одновременно он представил концепт включения в зеленые зоны сплошных лесных массивов. Для этого предполагалось использовать систему продуманных троп и просек. По его мнению, парковое искусство должна было «подражать природе и всем вещам придавать красоты, более сообразные натуральным»⁵⁴.

Освоив теоретические знания, А. Т. Болотов приступил к их практическому воплощению. При этом все свое время он проводил в работе. «Одна заря меня выгоняла из дому, а другая вгоняла» – писал он [11, с. 145]. Правильной постановке дела способствовал и продуманный план благоустройства зеленой зоны, разработанный Андреем Тимофеевичем в 1784 г. Основная часть предложенного проекта заключала в себе акварели будущих мест благоустройства. Созданные рисунки формировали визуальные зеленые насаждения, определяли экстерьер и интерьеры разных частей садовой части. При этом, продумывая проект, он «советовался с натуральным положением места» и делал не то «что хотелось», «а то, к чему удобнее и способнее быть месту»⁵⁵.

Созданный парк в полной мере отвечал идее гармонии человека и природы. Садовая зона строилась как театральное зрелище, в котором одни живописные картины должны были сменяться другими. Внимание устроителей к деревьям отечественной флоры позволяло добиться интересных сочетаний. В парке соседствовали осина, груша, ветла, рябина, сирень и акация. Автором было детально продумано расположение искусственных водоемов и водопадов, создающих эффектные шумовые наполнения.

Проделанная работа впечатлила Екатерину II. За труды по управлению был удостоен Высочайшего благоволения и награждён чином коллежского асессора. Однако важнее было утверждение новой идеи паркостроения, символизировавшей отказ от французского регулярного стиля и выработке самобытных форм паркового искусства. В результате творение А. Т. Болотова получило широкую известность не только в России, но за рубежом. Его

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Стб. 1162-1165.

посещало огромное количество людей, желающих насладиться оригинальным пейзажными решениями благоустройства.

Поле кончины Екатерины II ее родовые имения были переданы графу А.Г. Бобринскому, находящемуся с А.Т. Болотовым в натянутых отношениях. В конце концов, Андрей Тимофеевич отказался от управления царскими поместьями и вернулся в свою имение [11, с. 154].

Деятельность А. Т. Болотова прекрасно иллюстрирует сложный процесс трансферта в Россию западных идей по средствам рецепции книжного наследия. Его увлечение садово-парковым искусством показывает, насколько важным для процесса модернизации являлось чтение зарубежной литературы, позволяющей обратить внимание на те проблемы, которые не находили своего решения в стране. При этом главным фактором переноса иностранных идей на русскую почву, помимо чтения текстов, являлись созерцание и практическая адаптация полученной информации. В тиши провинциальной жизни, основываясь на лучших трудах европейских просветителей, А. Т. Болотов смог трансформировать теоретические концепты садово-паркового искусства (прежде всего, И.Г. Зюльцера) под русские реалии. В результате этого им был создан оригинальный пейзажный парк в Богородицком. Прделанная работа заложила основы пейзажных форм отечественного паркостроения, став, таким образом, отправной точкой новых концептов и теорий садового искусства.

Литература

1. Болотов А. Т. О лекарственных травах. Москва: [б. и.], 2010. 334 с.
2. Веселова А. Ю. Журналы А. Т. Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5 С. 124-150.
3. Гулянов Ю.А. У истоков «умного землепользования» в России: Андрей Тимофеевич Болотов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2019. N 2(76). С. 16-20.
4. Житин Р. М., Патрина Л. Н., Сабетова М. В. Книгоиздание на территории Тамбовского края в конце XVIII в. как фактор формирования книжной культуры дворянства // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. Липецк, 2019. С. 104-109.

5. Ильина О. Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2003. № 1(1). С. 63-69.
6. Коковин И. С. Историография проблемы рецепции идей западноевропейского просвещения в России XVIII в. // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2. С. 214-228.
7. Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2008. 391 с.
8. Лукичёв П.М. Императорское Вольное экономическое общество как первая общественная организация России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). с. 104-106. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25282583>
9. Овшинов А. Н. Эволюция представлений о генезисе политической мысли в России: дооктябрьский период // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 1 (37). С: 155-166.
10. Патрина Л. Н., Житин Р. М., Топильский А. Г. Национализация книг тамбовских имений в 1918–1920 гг. // IX Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 года. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 307-313.
11. Чекмарев В.М. Вклад А. Т. Болотова в закрепление теории и практики английского пейзажного садоводства на русской почве // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА: научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения. 2012. №. 4. С. 143-154.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение особенностей книжной культуры России XVIII – начало XX века позволяют говорить о широком распространении и устойчивом интересе высшего сословия зарубежной книге. Эти издания не только позволяли больше узнать об исторических событиях и фактах, повысить уровень личного образования, но и почувствовать себя причастным к общеевропейскому культурному и интеллектуальному пространству. Становясь участниками глобального процессов трансферта и усвоения информации, дворянин обогащали свою личную культуру, лучшие понимали окружающих их народы. Насыщение букинистического рынка России зарубежными изданиями формировала особую книжную культуру, связанную с распространением ранее не известных в России жанров и направлений. Через иностранную книжную продукцию россияне все активнее знакомились с автобиографическими воспоминаниями, сборниками писем, мемуаров, драматическими произведениями, историческими романами, зарубежными грамматиками. Все это обогащало русскую книжную культуру, демократизировало книжный рынок, вовлекало в него новых покупателей.

**ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ДВОРЯНСТВА В ИСТОРИИ
КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Монография

Авторский коллектив:
Житин Руслан Магометович,
Топильский Алексей Геннадьевич

Рецензент
Мизис Юрий Александрович

Студия печати Галины Золотовой,
e-mail: studiapechati@bk.ru

Печать цифровая. Гарнитура Times.
Объем – 4,4 усл. печ. л. Тираж 100 экз.